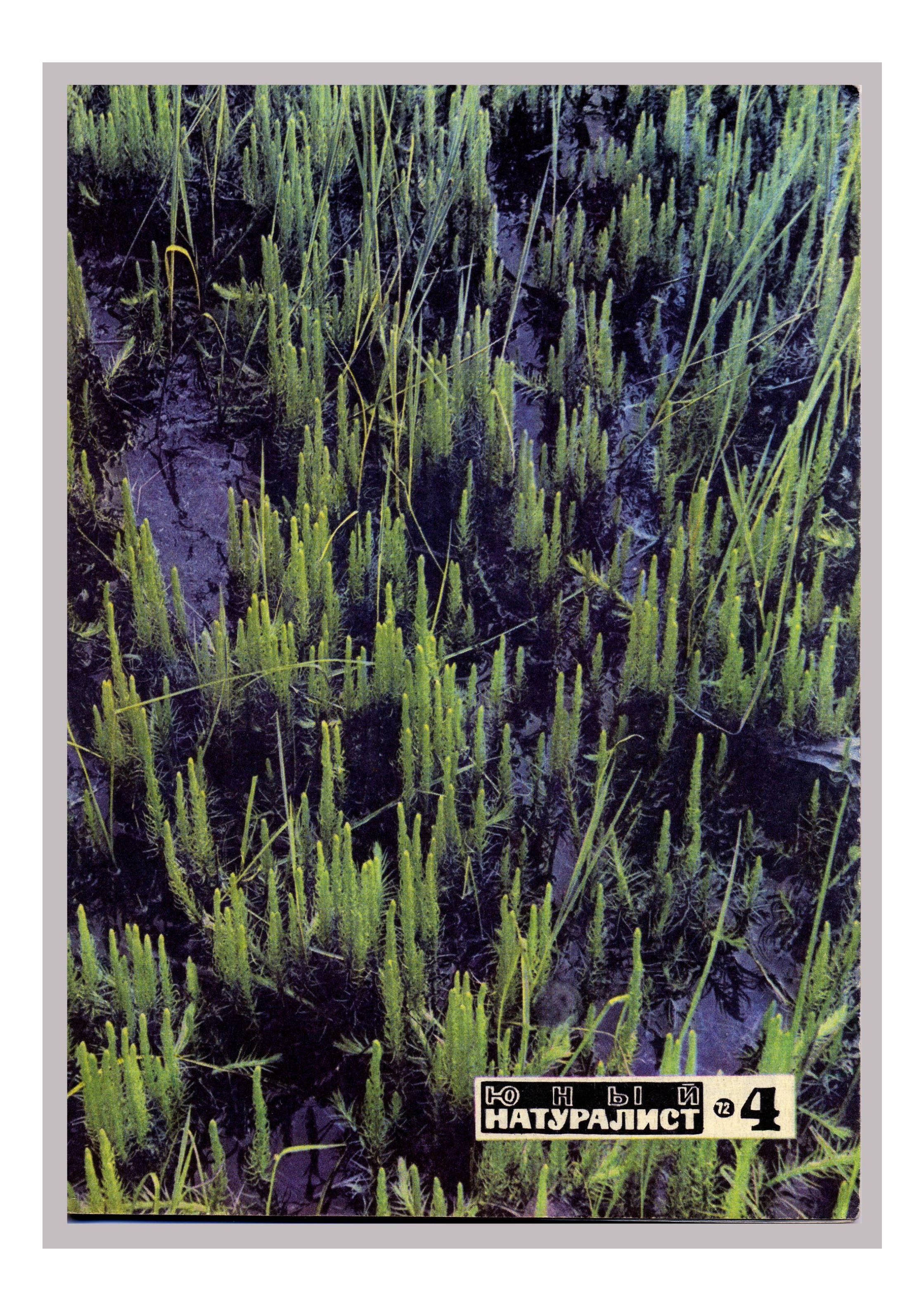

ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ
72
4

ШУША: ДАЛЕКАЯ, БЛИЗКАЯ

Радостна музыка апреля. Она и в перезвоне последней капели, и в счастливой скороговорке вернувшихся на родину птиц, и в оглушительном треске вскрывшихся озер и рек.

И разве не символично, что эта пора обновления дарит нам самый заветный праздник — день рождения Владимира Ильича Ленина? Как не порадоваться сегодня новой приветливой музыке апреля, музыке созидания и труда, с которой в грандиозном марше шествует из конца в конец страны девятая пятилетка!

Это ведь ленинские планы претворяет в жизнь советский народ, это ленинские мечты обретают зримые, конкретные черты, это ленинские предвидения помогают нам строить самое счастливое общество на земле.

Вот почему никогда не иссякнет полноводный людской поток, стремящийся к ленинским местам, которые дороги и близки сердцу каждого советского человека.

4

Научно-популярный журнал
ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина
Журнал основан в 1928 году

От Красноярска до Шушенского час лёта. На счастье, выдался ясный, солнечный день. Хорошо просматриваются внизу ветвистые отроги Саян, бескрайняя сибирская тайга, могучий Енисей.

Кажется, медленно плывет самолет, монотонный гул мотора настраивает на раздумье. Шушенское... Кто не знает, что здесь, в далекой сибирской глуши, Владимир Ильич Ленин провел почти три года тяжелой ссылки! Подумать только, как быстро меняются представления о времени и расстоянии! Ленин добирался сюда почти три месяца, теперь на путь хватает одного дня.

«Шу-шу» — древнее слово. На языке народа динлины, жившего в этих местах две тысячи лет назад, «шу-шу» означает «две воды». Слияние двух рек Енисея и Шуши, видимо, и определило название, которое дошло до наших дней.

«Шу-шу-шу... село небольшое, в несколько улиц, довольно грязных, пыльных — все как быть следует. Стоит в степи — садов и вообще растительности нет» — так писал о Шушенском В. И. Ленин своей сестре Марии Ильиничне.

Самолет снижается прямо в степь. От аэродрома до Шуши четверть часа на автобусе. Справа и слева мелькают молодые деревца, убеленные инеем. Их ажурные ветви, как затейливые кружева, окаймляют дорогу.

К самому поселку подступают совхозные сады. Кругом бело. На морозном солнце играют серебристые снежинки.

Вот и новая Шуша. Знаю, нет прежнего захолустья, ничего похожего на старое село. И все же встреча с Шушенским неожиданно поражает. Настоящий город: новые пятиэтажные дома, асфальт, в центре — большая площадь, где находятся Дом Советов, Дворец культуры, универмаг. Выросли новые предприятия — молочноконсервный и овощеперерабатывающий комбинаты, птицефабрика, кирпичный завод. Совсем недавно ребята получили две новые школы. Построены хорошая гостиница, трехэтажная больница и поликлиника. На Острове отдыха сооружены стадион и широкоэкранный кинотеатр.

Самым же большим богатством Шушенского стал Мемориальный музей-заповедник «Сибирская ссылка В. И. Ленина», созданный к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича. Он навсегда увековечил пребывание великого Ленина в Сибири. Когда-то никому не ведомое село теперь известно всему миру. Сюда едут люди со всех концов нашей страны и из-за рубежа. Только в прошлом году музей посетили около трехсот тысяч экскурсантов.

С большим волнением вступаешь на землю, которая когда-то приютила Ленина. На фоне нового поселка село XIX века ярко подчеркивает ту суровую обстановку, в которой жили в ссылке В. И. Ленин и его товарищи.

Всего три улицы, три десятка старых крестьянских изб со всей обстановкой и предметами быта того времени. Входишь сюда — и словно попадаешь в XIX век, в далекую глушь, в царство свечи, лучины и деревянного корыта. Внимательно всматриваешься в каждую вещь в избах крестьян Зырянова и Петровой. Как бесценные памятники хранит народ эти два дома, где жил Владимир Ильич с 8 мая 1897 года по 29 января 1900 года.

Маленькая комната в доме Зырянова. Все здесь напоминает об Ильиче. Стол, покрытый белой льняной скатертью, — здесь он работал. Керосиновая лампа с зеленым абажуром, четыре стула, на полке и угловых столиках книги и журналы, в углу старинная деревянная кровать.

Мало чем отличается от этой вторая квартира Ильича, в доме Петровой. Такая же скромная обстановка, разве комнаты чуть попросторней.

Читая письма Ленина, ясно ощущаешь строгий рабочий ритм и трудовое напряжение Ильича. Трудно себе представить, какой энергии и воли человек мог создать за столь короткий срок тридцать бессмертных произведений, которые служат и будут служить народу века.

А вот избы бедняков, волостное управление с острогом, где Владимир Ильич каждый день должен был отмечаться. Более четырех тысяч разных предметов отражают быт крестьян и политических ссыльных конца прошлого века.

Этот островок старого села на фоне нового поселка особенно остро напоминает о тяжелом прошлом нашей Родины, о смелых идеях Ленина, преобразовавших Россию.

Жизнь Владимира Ильича заполнял упорный труд. Но всегда находил он время для отдыха. Ленин исходил все окрестности Шушенского. В девяти километрах от села, на берегу озера Перово, стоит шалаш. Здесь ночевал Ильич, когда бывал на охоте. Любил он прогулки на Песчаную и Журавлиную горки, часто ходил на берег Енисея, в Сосновый бор, Березовую рощу и на тихую речку Шушь. Все эти места вошли в охранную зону заповедника. Шушенцы свято оберегают ленинские места. Стараются сделать поселок уютным и красивым: озеленяют улицы, разбивают скверы, выращивают много цветов.

Осматривая заповедник, не раз слышишь от экскурсовода: «охраняют школьники», «шефствует пионерский отряд», «посадили пионеры». И в самом деле, на счету шушенских ребят много хороших, добрых дел. Везде поспевают ученики школы № 1 имени В. И. Ленина. Они первые помощники в музее-заповеднике. Пионерские аллеи и скверы украшают улицы поселка; их цветочные клумбы радуют глаз многочисленных гостей, зеленые трассы по дороге в Шушенское — тоже дело рук пионеров этой школы.

Вот уже пять лет ребята работают в заповедном лесничестве. Начали с привлечения птиц. Сделали множество птичьих домиков и развесили их в Сосновом бору, в Березовой роще и на Острове. Школьники постоянно очищают лес, следят, чтобы на деревьях не завелись вредители. А когда наступает пора созревания семян, лес оживает от детских голосов. Выходит вся школа. Особенно много сдают в лесничество сосновых шишек.

Хватает дел юным лесничим и в питомнике. Надо вовремя провести посадки, внимательного ухода требует молодая поросль. Саженцы клена и ясеня ребята сами вырастили и пересадили их на школьные аллеи, на улицы поселка, на Остров.

Зимой особенно любят ребята выезжать в заповедный бор. По воскресеньям леспхоз выделяет школьникам автобус. Заберут с собой корм для птиц и зверей — и в лес! Сено, корнеплоды, конопля, подсолнухи, сало, орехи — все лесные обитатели найдут себе корм по вкусу. А наполнены все кормушки — и повеселиться можно. Санки всегда с собой. Горки здесь волшебные. Упадешь с санок, кувыркаешься с десяток метров — и ничего: снег глубокий, пушистый. Хорошо посидеть и у костра, поесть горячей печеной картошки! Это у ребят такая традиция, и место для костра постоянное.

Когда был создан Мемориальный музей-заповедник, работы у ребят прибавилось. Школа взяла шефство над памятными ленинскими местами. Строго следят ребята, чтобы не разрушалась Песчаная горка, весной посадили там саженцы ивы. Привели в порядок Журавлиную горку, очистили побережье Перова озера.

Остров — излюбленное место отдыха шушенцев и приезжих туристов, поэтому ребята здесь особенно старательно ухаживают за своими зелеными питомцами. Остров отдыха украшают несколько пионерских аллей.

Зорко охраняет памятные места «зеленый патруль». Ни один школьник не позволит сорвать и листика с дерева — ведь сам их посадил, сам помог им окрепнуть. А вот с туристами случается. Однажды дежурили ребята на Песчаной горке. Заметили — один экскурсант сломал березовую ветку: видно, от комаров отмахиваться. Подошли к нему. Кто-то из ребят показал зеленую книжку. Смущен был взрослый дядя и извинился.

Много забот у ребят и в своей школе. Здание новое, участок огромный, с сибирским размахом, не часто такой встретишь. Два года назад здесь не было ни одного деревца. А теперь... Семьсот стройных тополей, словно огромный хоровод вокруг школы. Более двух тысяч кустарников украшают школьный двор. Уже окрепли молодые клены и вязы, пышно разрослись акация и сирень, золотистая смородина.

Два года назад, к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, заложили в Шушенском школьный дендрарий. Семена для него ребята получали из многих школ страны. Грецкие орехи прислали из Средней Азии, каштаны и дубки — с Украины, барбарис — с Кавказа. А из Ульяновска прибыли русские красавицы березки.

Безбрежны просторы Сибири. Неузнаваемо преобразились эти некогда глухие края. И сегодня привычно произносим мы ставшие обыденными слова: сибирская нефть, сибирский газ, сибирские гидростанции. Братск, Сургут, Усть-Илим, Тюмень, Самотлор — вот они, новые звездочки на карте нашей страны. Легенды и песни складывает народ о великих стройках Сибири. Песни сбывшейся мечты Владимира Ильича Ленина. Есть что-то символическое и в том, что самая мощная в мире Саяно-Шушенская ГЭС строится именно там, где когда-то В. И. Ленин при свете свечи намечал пути переустройства жизни, твердо веря в то, что будет Россия свободной и могущественной.

Л. ТЕРЕХОВА

Славному 50-летию советской пионерии посвящают юннаты Армении свои добрые дела. И встают над древней землей сады и рощи. Зеленью фруктовых деревьев одеваются дороги, множатся форельные стада в быстрых горных реках. На опытных делянках работают юные пионеры по заданию ученых, защищают свои первые научные проекты. Многотысячная армия юннатов Армянской ССР и сегодня на трудовом марше.

Сады вдоль дорог

Дороги — словно реки. Так же бегут в неизведанное, так же манят чудесными открытиями. В одном только серые дороги Армении отличаются от голубых — не всегда дарят они путнику тенистую зелень деревьев. Правда, если говорить точнее, — отличались.

Есть у юных друзей природы республики свой штаб. Создан он в Ереване, при редакции газеты «Пионерская правда». А возглавляет его замечательный детский писатель Вахтанг Ананян. Недавно получили юные очередное задание: украсить садами все дороги между селами, поселками и городами, чтобы радовали они путников весной белыми облаками цветения, а осенью красными фонариками налитых плодов.

Как всегда, первыми откликнулись на призыв школьники Иджеванского района. Такие уж здесь неугомонные ребята — любое доброе дело им по плечу. Не узнать теперь дороги, связавшие поселки района. Айговит — Иджеван, Айговит — Майский мост, Енокован — Лусадзор, Агачур — Севкар — вот они, пионерские трассы, одетые в зелень молодых пока еще саженцев. Больше двух тысяч деревьев высадили ребята по обочинам горных дорог. В два ряда поднялись груши и яблони, сливы и айва, миндаль и абрикосы. Но это только начало. Так считают иджеванские школьники. Пройдет несколько лет — и огромные сады протянутся от села к селу. Спрячутся дороги под шатер развесистых яблоневых ветвей, надежно укроют путников от жаркого южного солнца.

Так обязательно будет. Недаром же еще несколько тысяч деревьев встало этой весной вдоль дорог Иджеванского района.

Малиновый пояс

Сначала поражает запах. Крепкий, назойливый. Невольно смотришь по сторонам: откуда доносится он? Вокруг все обычно. Белые ряды бетонных столбиков на винограднике, зеленая стена высокой, в человеческий рост, кукурузы, пестрое разноцветье широкого луга. И только потом замечаешь яркий малиновый ковер цветущей герани. Никогда бы и не подумал, что ее может быть так много.

А Земфира Акопян, хозяйка гераниевой плантации, с удивлением отвечает вопросом на невысказанный вопрос: «Что ж тут необычного? Герань как герань. В иной год и побольше ее у нас бывает, в Малиновом поясе».

Да, в ученической производственной бригаде села Аразап Октемберянского района плантацию герани ребята зовут Малиновым поясом. Видно, для того чтобы проще было ухаживать за цветами, высаживают герань неподалеку от виноградника. Как-никак виноград — главная культура в бригаде. Да и хлопот с ним значительно больше.

Земфире от дома до виноградника с километр ходу. И когда в летние каникулы настает ее очередь дежурства, непременно наведывает она герань. Богатый ли будет осенью урожай? Много ли ребят придется звать на помощь в октябре, в горячие дни уборки? Правда, Земфира не любит (это ее откровенное признание) осеннюю страдную пору. Не потому, что тяжело срезать тяпкой упругие кустики герани, а потому, что жалко ей: цветы ведь, а с ними как с травой. Проходишь рядок за рядком, складываешь душистые копешки, а следом идут ребята и грузят вилами герань на машину. А потом цветы увозят в Октемберян на маслозавод.

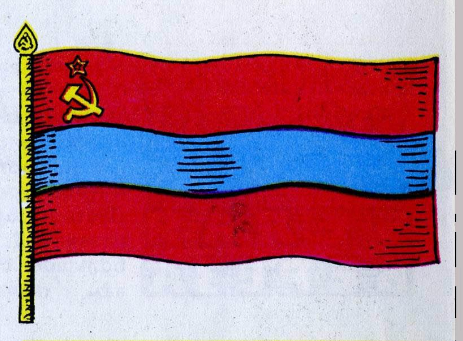
Герань любит солнце. А здесь, на взгорке, каждая крупица земли пронизана яркими живительными лучами. Но не только солнце нужно этому растению. В прошлый сезон решили ребята провести опыт. Несколько раз подкармливали герань азотом. Все вышло как нельзя лучше. По 245 центнеров с гектара собрали юные земледельцы. Больше, чем взрослые в колхозе. Земфира точно сейчас не скажет, сколько машин с душистым грузом отправили они на маслозавод, — так их было много.

Баклажанные квадраты

«Ну и медленный же транспорт!» Так невольно думает Асмик Погосян, когда едет в автобусе от железнодорожного вокзала на юннатскую станцию. Не так и длинен вроде путь, но если тебя среди городских каменных громад и асфальта ждет зеленый островок возделанного поля, даже короткая остановка у светофора покажется вечностью.

Его поле. Вряд ли можно назвать так эти ровные квадраты опытной делянки. Но недаром же говорят: мал золотник, да дорог. Только весной они обычные, с проклюнувшимися ростками баклажанов. А придет лето, оденется земля в хитрое переплетение выгоревших под солнцем стеблей, усыплют крохотный участок крупные, с фиолетовым отливом бочонки — и сразу станет ясно: здесь квадраты не простые — опытные. А хороший огородник тотчас заметит, какой квадрат оказался наиболее щедрым. Ведь для того он, Асмик, искал разные сочетания подкормки, чтобы определить самый оптимальный вариант. И так вот уже третий год.

Азот, фосфор, калий. Названия эти для юного опытника словно забавная загадка в одну строку. Только слова в ней можно переставлять как угодно. И даже сокращать. Поэтому поле у Асмика разбито на двадцать один квадрат. И в каждом баклажаны получают разную подкормку. Нынешняя весна для Асмика решающая: подтвердятся ли результаты опыта в этом году? Если все будет удачно, можно твердо сказать, что только сочетание всех трех компонентов приносит богатый урожай. Недаром же прошлой осенью баклажаны сорта Ереванский дали с опытных участков в среднем по 475 центнеров в пересчете на гектар.

На полях колхозов и совхозов республики успешно трудятся 420 ученических производственных бригад. 12 тысяч ребят проходят в них первые земледельческие университеты.

Ученическая производственная бригада села Махчан — настоящая кузница механизаторских кадров. За последнее время 50 выпускников местной школы остались работать в родном колхозе. А бывший бригадир Анаид Багдасарян за рекордные урожаи избрана депутатом Верховного Совета Армянской ССР.

Юннаты Армении — постоянные участники ВДНХ. За успешную опытническую работу только в прошлом году получили ребята 29 медалей.

200 гектаров пионерских садов появилось в горах около поселка Агдан. Юные друзья леса окультурили дикие яблони и груши. Деревья дали первый урожай вкусных плодов. Восемь тонн яблок и груш отправили ребята на консервный завод.

Азад, Воротан, Акстар — вот адреса новоселий севанской форели. В эти горные реки выпустили ребята сотни мальков ценной рыбы. Пройдет несколько лет — и голубые горные водоемы принесут обильный урожай.

Дорогие юные лесоводы!
В штаб «Белой березы» начали поступать первые донесения от участников нашего конкурса. Приятна география этой почты. Карелия и Смоленщина, Белоруссия и Урал, Крым и Приамурье — всех адресов не перечислишь. Пусть не будут на нас в обиде те, кого мы не назвали. Все вы, юные друзья леса, творите большое общегосударственное дело. Честь вам и хвала!

Белочки Академгородка

Их даже в кинохронике показывали. Идешь по Академгородку, а по соснам белочки скачут. Даже через дорогу перебегают — привыкли. Много их. И совсем людей не боятся. Потому что у каждого прохожего в кармане семечки, леденцы, орешки кедровые. Прямо с руки берут подарки рыжехвостые попрошайки. Все на дареном да на дареном.

Кедров в окрестных лесах пока мало. А что, если кедр на сосне прививать? Попробовали мы. Получилось. Лесничество наше — это ведь зона отдыха. Летом, да и зимой весь Новосибирск у нас в гостях. Купаются, загорают, на лыжах бегают. Раньше мы на берегу Новосибирского моря все больше лиственницу высаживали. А теперь заселеняют здесь куртинки молоденьких кедров. Пройдут годы, приедут к нам гости и увидят, как белочка «золотой грызет орех». Наш орех, новосибирский!

ЛИЗА САРНИНА
Бердское школьное лесничество
Новосибирской области

Как «Белая тропа» помогла «Муравью»

Прошлым летом мы прочли в «Юном натуралисте» про операцию «Муравей». И сразу же провели в своем лесничестве перепись муравьиного населения. Зарегистрировали 90 семей, составили предварительную карту. И сразу видно стало — на одном участке муравейников вдосталь, на другом же — совсем нет. Тогда занялись переселением. Почти 80 муравейников получили новую прописку. А чтоб никто не испортил новоселья, каждую муравьиную кучу огородили.

Для чего это, спросите? А вот для чего. Зимой в нашем лесу звериных следов видимо-невидимо. Тут и зайцы сметок да сдвоек своих напетляют, и кабаны под дубами перероют все — желуди откапывают, и сохатые глубоченных стаканов в снегу понаставят. Так недолго и заснувший на зиму муравейник разорить. А огражденный муравейник — в безопасности. Особенно если на слежки красные лоскуты повесить. Тут и волк в сторону шарахнется.

Мы уже провели первую операцию конкурса. Снежная тропа рассказала нам об обитателях нашего леса. Теперь мы точно знаем, что живет у нас 20 лосей, 150 косуль и 50 кабанов. Не зря огораживали мы муравейники.

ВОЛОДЯ КОШЕЛЕВ
Гостищевское школьное лесничество
Белгородской области

Сибирская «Черемушка»

Так называется наше школьное лесничество. Правда, черемухи в саянской тайге мало, зато кедров и сосен хоть отбавляй.

Весной все ребята собирают сосновые шишки для своего питомника и для леспромхоза. В этом году отправили мы на склад три тонны шишек. А в нашем лесу подрастают молодые сосны и кедры. Нет, не на крохотных участках, а на одиннадцати гектарах. Тут забот всем хватает.

Особенно трудно пропалывать молоденькие кедры. Трава в лесу высокая, густая. И в ней будущие таежные великаны еле заметны. Тут глаз да глаз нужен, чтобы не вырвать вместе с сорняками хрупкие кедровые ростки. Но ребята справляются с этим делом успешно. Особенно хорошо потрудились звенья Вали Еклашовой и Сергея Стрелкова. На счету каждого звена по три гектара молодых сосновых боров и кедровников.

Долго шуметь на сибирской земле пионерским светлым лесам.

ГЕНА АСВЕРЬЯНОВ
пос. Сизая Красноярского края

Добрые традиции

Наше лесничество старше любого из нас. Скоро ему будет четверть века. За это время успели сложиться традиции. О двух из них расскажу.

Первая традиция зимняя. Кто не знает, как страдают деревья, особенно березы, от снеголома. В такую пору первых обильных снегопадов устраиваем мы лыжные походы. Все ребята выезжают в лес. Палками сбиваем мы снег с ветвей.

Вторая традиция летняя. Есть у нас на берегу Десны пионерский лагерь «Елочка». Он расположен прямо в лесу, который закреплен за нашим «Зеленым патрулем». Только приедет в летние каникулы первая смена, выстраиваются ребята на специальную пионерскую линейку. Отрядные вожатые сдают рапорт старшему лесничему Саше Воронову. Ребята пионерлагеря становятся хозяевами в лесу.

ВАЛЯ СВИРИДОВА
Жуковское школьное лесничество
Брянской области

ПИТОМЦЫ ЧЕРНОЙ РЕЧКИ

По-грузински речка называется Шавцкала. В переводе на русский язык это название означает: Черная речка.

Пожалуй, это самая короткая речка в Грузии: всего 18 километров отделяют ее истоки в отрогах Бзипского хребта от Черного моря. И бежит она не по горным ущельям и пенистым порогам, а медленно плывет по Гудаутской равнине, причудливо изгибаясь между ольховых рощиц, образуя тут и там глубокие, отдающие таинственной чернотой омуты. Но хоть и не горная эта речка, вода ее ничуть не теплее, чем у ее белопенных быстрых сестер Бзипи, Кодора, Келасури. Даже в самую жаркую пору не всякий купальщик рискнет окунуться в ее студеные воды.

Да, необычная эта река. И даже истоки ее ничуть не похожи на другие. Черная речка берет начало где-то на глубине 60 с лишним метров. Из толщи земли сквозь скалы по карстовым колодцам вода выходит на поверхность клокочущим потоком, а потом разливается по каменистому речному ложу.

До Великой Отечественной войны здесь основали рыборазводный завод, задачей которого было воспроизводство черноморского лосося. Задача была важная: ведь давно уже в Черном море стала исчезать эта замечательная рыба. С той поры, как первые мальки лосося уплыли по Черной речке в морские просторы, рыбаки — и советские и румынские — не раз вылавливали из своих неводов крупных лососей с меткой Чернореченского хозяйства. Значит, недаром затрачивали труд ихтиологи. Они терпеливо пестовали нежных и капризных мальков с того дня, как только они появлялись из икринок, и до того, как эти маленькие рыбешки получали право называться «сеголетками», а значит, и право пуститься в самостоятельное плавание. А жизнь у лососей беспокойная. На многие сотни километров уходят они от родного дома, добираются до берегов Румынии и Болгарии, путешествуют еще невесть где. Может быть, в Средиземном море или в Атлантике... А возвращаются на нерест в ту же самую Черную речку. Таков уж обычай у лососей.

И очень радуются ихтиологи, когда им удается выловить своего пунцового питомца в каком-нибудь из омутов Черной речки: ведь как приятна встреча после долгих лет разлуки! А узнать «блудного сына» нетрудно — он меченый.

Многие миллионы мальков спустились по Черной речке в Черное море. Миллионы из них явились жертвой своих хищных собратьев и прожорливых чаек. И все же рыбоводы Черной речки знают, что они делают очень большое и важное дело. Специалисты-ихтиологи на основе многолетнего изучения фауны Черного моря убедились, что стадо лососей непрерывно растет.

А нельзя ли сделать Чернореченское хозяйство таким, чтобы плоды труда его коллектива видели не только специалисты? Над этим не раз задумывались ихтиологи. И вот наступил год, когда начала рождаться новая слава Черной речки — поставщика радужной форели, отличнейшей рыбы, которая украсит любой стол, самый изысканный.

Новоселы поселились в прудах хозяйства. На следующий год из икры вылупились мальки. Их расселили по выростным бассейнам. Начали мальки подрастать. И вдруг... Большинство рыбешек, с таким трудом доведенных до полугодовалого возраста, погибло. Причина — жировое перерождение печени. Стали доискиваться до истоков болезни. Оказалось, что гибла форель из-за неправильного рациона. Много комбинаций перебрали ученые, составляя «меню» для маленькой форели, прежде чем нашли наиболее рациональное. Болезнь у форели прекратилась.

Теперь урожай Черной речки — более 120 тонн товарной форели в год. А коллектив хозяйства думает уже получить более 200 тонн форели.

Но не только лосось и радужная форель занимают советских ученых-рыбоводов.

Несколько лет назад весной по Черной речке поплыли в путешествие мальки тихоокеанской горбуши. Как они акклиматизируются в Черном море, как повлияют на увеличение рыбных запасов? Ответа на этот вопрос с нетерпением ждут наши ихтиологи.

Чернореченское рыбное хозяйство — самое крупное в Советском Союзе по производству товарной форели. Оно приобретает все большую известность. Многими нитями связано оно с другими водоемами и реками Советского Союза.

Шавцкала — Черная речка — приобрела широкую известность и за границей. Ведь недаром же сюда приезжают не только советские рыбоводы, но и ихтиологи из Германской Демократической Республики, Монголии, Польши, Румынии, Кореи, Чехословакии, Японии, Швеции и многих других стран. Есть здесь на что посмотреть и чему поучиться.

В. МАРГВЕЛАШВИЛИ

ТЕБЕРДА

Голубое и зеленое

Звезды уже пропали, но солнце еще не тронуло вершин. Южный ветер с ласковой властностью гнал по дну долины белый туман. Над непроглядной этой молочностью, подсвеченной верхним светом утреннего неба, поразительно близко поднимались темные громады. Пронзительную тишину предрассветных гор словно подчеркивал неумолчный шум укрытой туманом Теберды.

День бежит из гор проворно, с какой-то непонятной даже радостью. Присядет на еловый гребешок солнце — и через минуту падут в межгорье сумерки. Утро же приходит сюда степенно, не торопясь. По тому, как неудержимо светлеет небо над головой, чувствуешь — вот-вот выглянет, выкатится радостный солнечный шар из-за высоченной гранитной кручи. И верно, неопределенная ровная темень горных стен начинает расслаиваться сначала на тона, потом на полутона. Минуту

назад ты мог отличить лишь черную зелень елей от коричневой глухоты каменных глыб. Но вот уже вкрадываются в сумрачную темноту ельника округлые пятна, зелень которых посветлей, повеселей. То ли бук забрел в горы, то ли березка? И точно, березка: отчетливо забелел вдруг вертикальный штришок ствола. Да и скалы теперь уж не так угрюмы и однообразно-отчужденны. Полированную гладь одной никак не спутаешь теперь с шершавой замшелостью другой, серую глыбу легко отличишь от бурой, серебристо-зеленую от матово-черной.

Заиграли горы!

Разгоряченное долгим подъемом, жаркое солнце мигом растолкало по ущельям последние клочья тумана. Открылась долина. Десятками протоков и ручейков беспокойно разметалась Теберда по своему жесткому каменному ложу. Словно лакированные росой, проглядывали сквозь зелень тополей и фруктовых деревьев крыши игрушечных домиков. Стиснутое громадами гор, здесь, внизу, в долине, все казалось уменьшенным, невзаправдашним. Крошечные дворики, огороженные каменными стенками. Малюсенькие островки, по которым беспризорно бродили, позванивая колокольцами, коровы. Бурливые тебердинские перекаты им нипочем, буквально по колено.

Если прибавить к этому застекленные сплошь корпуса санаториев, вставших над целебным сосновым лесом, да нескончаемый шелест шин туристских автобусов, то и получится полная картина Теберды — курортного городка, имя которому подарила голубая горная речка.

Главная же достопримечательность Теберды — несомненно, заповедник. Поэтому, едва разложив вещи в палате, номере или просто в палатке — кому как повезет, каждый приезжий стремится сюда — в благословенное царство нетронутой природы.

В Тебердинский государственный заповедник — по упругому ковру золотых и коричневых сосновых иголок, мимо озера Кара-Кель, куда, срываясь с гор, летит сверкающая нитка водопада, — и мой первый маршрут. Но прежде чем металлический турникет пропустит тебя на территорию заповедника, нужно перейти по автомосту через Теберду. Это первый подарок заповедника. Нет человека, который, впервые проходя над рекой, не остановился бы здесь, на мосту, и не подивился б: какой прозрачно чистой может быть вода, рожденная блистательными снежниками и ледниками гор, какой голубой может быть она, коль опрокинулось над ней синее небо без единого облачка!

Зверинец без крыши

Круг лесных знакомств обыкновенного человека, не заядлого лесовика, к сожалению, огорчительно узок. Пальцев на руках хватит, чтобы пересчитать птиц, которых видел в лицо. Редкому счастливцу довелось встречать живого лося, о медведе и говорить не приходится: неробким надо быть человеком, чтобы почесть за счастье встречу с бурым хозяином леса. Поэтому в своих суждениях о зверье рядовой горожанин в основном полагается на впечатления, почерпнутые в зоопарке.

Но как бы ни был хорош зоопарк, зверь не может чувствовать себя свободным. Он угнетен, подавлен обилием людей, теснотой пространства, непривычным бездельем. В Тебердинском заповеднике зверинец необычен: его смело можно назвать зоопарком под открытым небом. Представьте себе такое. Живет в одном из просторных вольеров семейство туров. Семь голов — настоящее дикое стадо: с вожаком, с иерархией — подчинением младших старшему. И какой распорядок дня завели? Только настанет утро — стадо к задней стенке вольера, который упирается прямо в горы. И остановит разве туров двухметровый забор? Первым вожак прицелится. Вдруг — скок на бетонную опору. Осмотрится свысока по сторонам — и как ветром сдуло, ушел в лес. А за ним все стадо. Жди их теперь только к вечеру. Нагуляются туры по родным горам, наскачутся вдоволь. А к закату, словно солдаты на поверку, обратно. В каком другом зверинце встретишь подобную свободу нравов?

Вольно чувствуют себя в тебердинской заботливой неволе зубры и косули, медведи и волки, рыси и серны, лисицы, олени, лани. И у каждого своя история, свой характер.

Мулат и Муська — краса и гордость зверинца. Зубриха Муська совсем ручная. Неноровиста, ласкова, взбалмошна. Мулат по-мужски сдержан. Порой строг. Как не показать посетителям иногда недюжинную свою силу? Вот и перекидывает с рога на рог нешуточное бревно величиной с телеграфный столб. А однажды разошелся и выволок на середину вольера тяжеленный помост для кормушек. Шестеро взрослых крепких мужчин ломами с трудом водворили его потом на место. Вот он какой, Мулат!

Говорят, бодливой корове бог рог не дал. Видно, незлобива от природы была косуля Кози, коль та одарила ее единственным рожком — тоненьким, длинным и трогательно кривым. Явление в косульей судьбе редкостное! Не часто размножаются косули в неволе. И тут Кози пошла наперекор природе: принесла двух чудесных

косулят, которые ростом уже догнали маму. Это ли не подтверждение тому, что зверям живется в Тебердинском зоопарке привольно и вольготно?

Порадовала служителей зверинца и кабаниха. Сколько было радости, когда она однажды утром привела на смотровой дворик, словно специально показать хотела, трех маленьких поросят — желтых, в черную полоску, как и должно кабанятам! Трех веселых поросят так и назвали: Ниф-Ниф, Наф-Наф и Нуф-Нуф.

Каждый зверь достоин рассказа. Вот волк, которого, как и положено, назвали Серым, и маленькая волчица, почему-то получившая обезьянье имя Чита. Послушали бы вы, что за концерты выделывают они в лунную ночь! От волчьего дуэта не по себе становится даже рысенку Муру. А могучий Мулат тревожно роет рогом землю.

Не расскажешь обо всех. Но о Кузе обязательно надо! Есть в зоопарке огромный птичий дом. В три этажа вышиной. Его населяют степные орлы, беркуты, грифы. Кузя — черный гриф. Был он взрослым — крылья в размахе три метра, — когда попал в зверинец. И взяли его почти голыми руками. Все дело в том, что редко удается грифу поживиться добычей. Зато как выпадет удача, аппетиту птицы нет границ. Вот и Кузя, замеченный на земле лесниками, настолько отяжелел от обильной трапезы, что не помогли ему гигантские крылья — не смог гриф подняться в воздух. К клетке привык быстро, жизнь сытая, ровная. Вот скучал только, что нет у него друга по крови, степных же орлов и беркутов Кузя сторонился. Скоро у Кузи появился компаньон. Несмышленый грифптенец залетел на Учкулане в лес, а выбраться оттуда так и не смог: негде размахнуться крыльям. Тут и подобрали его охотники. Так Кузя обрел друга.

В гости к женьшеню

Лучше сразу разуться и идти вверх по приречной тропе, не обходя ни густых зарослей папоротника, ни изменчивых протоков. Слева привычный шум и голубое сверканье Теберды, справа карабкаются ввысь по отвесным скалам упрямые елки. Воздух пронизан горячим солнцем, смешанным запахом растопленной смолы и ледниковой воды, бесшабашным птичьим разноголосьем. Подвернется под ногой шаткий надводный камень, оступишься в воду — и словно ледяным чулком сдавит щиколотку. Заглядишься под ноги — щекотно проведет по лицу папоротник своей мягкой зеленой пикой. Папоротники здесь на удивление — и от солнца и от дождя спрячут.

Горы отступают вправо, река отходит влево — впереди зеленая поляна. По загону разбрелись стреноженные кони лесных объездчиков. За раскидистыми кустами орешника зачернела лесничья сторожка. Судя по объяснениям провожатых, недалеко осталось и до женьшеньего питомника.

Легендарный, прославленный корень. Вожделенная мечта лесных кладоискателей. Не отыщешь растения, равного женьшеню по таинственности и недоброй славе. Чудодейственный корень жизни! Сколько человеческих жизней унес ты!.. Сколько крови пролито из-за тебя...

Заливистый собачий лай обрывает недобрые мысли о зловредном корешке. Из-за калитки вопросительно смотрит женщина — хранительница питомника.

Смущенно натягиваю кеды и подаю ей записку от директора.

— Проходите! — Едва глянув в записку из двух строк, женщина распахивает калитку. — Тихо, Бутуз! Тихо!

Так вот он какой, знаменитый питомник, где уже двадцать лет ведутся опыты по выращиванию женьшеня! Едва ли удалось мне скрыть разочарование. Все как везде. Грядки, грядки, грядки... Одни присыпаны палым прошлогодним листом, другие прикрыты застекленными рамами. Непривычен лишь зеленый полусвет; питомник как бы врос во взрослый лес.

— Женьшень не выносит прямого солнечного света. Очень нежен.

— Да, да, — вспоминаю я рассказы

Дерсу Узала об уссурийском корне жизни. — Влажные, затененные места.

— А вот и он сам...

Видели вы когда-нибудь на лесной просеке костянику? Красные стекловидные ягодки собраны в кисточки. Так вот, женьшень вылитый ее собрат. Только листья у него не тройчатые, как у костяники, а пятипалые. Недвижно парят на длинном черешке во влажном зеленом сумраке алые ягоды. Придет время, и они лягут в приготовленные для них грядки. Каждую весну будут менять возле них таблички: «Второй год», «Третий год». Завершится школа. Вновь вспыхнут над грядкой стеклянно-красные огоньки. А в глубине, в теплой и влажной земле, которой никогда не коснулся луч солнца, начнет набирать силу чудотворный корень жизни.

— Хотите посмотреть? — Женщина привычно разгребает рыхлую землю и осторожно извлекает небольшой, с переломленный пополам карандаш, корешок.

Да, он действительно похож на человечка, этот женьшень. Усохшие ручонки плотно прижаты к туловищу. На него боязно дохнуть. И с невольным уважением смотришь на этот сморщенный корень жизни. Уроженец далекого Приморья, он прочно окопался здесь, на Кавказе, и дает прекрасный урожай.

А хранительница женьшеньих богатств тем временем кладет корешок на прежнее место и тщательно разравнивает над ним рассыпчатую землю. Расти, мужай, корень жизни!

Белое и синее

Смешанное чувство грустного разочарования и щемящей радости узнавания испытываешь невольно, попав в пасмурный зимний день в места, где побывал некогда в пору жаркую и ослепительно солнечную. Будто потускнело все, съежилось, хоронясь от мороза. Куда девались щедрость, обилие, распахнутость лета? Да и были ли они?

Первая моя встреча с Тебердой, августовская, была голубой и зеленой. Вторая случилась в декабре. Погода не заладилась. Фотокорреспондент Игорь Константинов скучал и ругался, коря меня за восторженные рассказы о Теберде. Но выпал один ясный денек и все поставил на свои места. Денек тот был, как вы догадываетесь, белым и синим.

Теберде, по обычаю, первый визит и поклон. Как ни отгоняешь сравнения, удержаться нельзя. Нет безудержной летней разбросанности, белопенности, голубизны. Но не сломил речку мороз. Стачивает по-прежнему быстрая вода лед с бокастых валунов, подгрызает и, крутя, тащит вниз льдинки. Отчетливо виден на дне каждый голыш. Бесстрашный зимородок часовым затаился на камне, высматривает что-то свое в быстрых струях.

Сколько ни смотрел я в воду, так и не приметил летнюю знакомую — форель. Тогда же, будто не шевелясь вовсе, стояла она встречь бурной прозрачности струй, и четко проглядывались черные и алые крапинки на серебряном форельем боку.

Недолгого зимнего солнца хватает, чтобы слизнуть с заснеженных и заледенелых гор немного воды и напоить Теберду, не дать ей уснуть.

Шумка — крохотный водопадик в заповеднике. Но и зимой не проезжают мимо него туристские автобусы. Жив, курилка! Курится бодрым паром. Оцепенели, застыли вокруг березы, ели. И лень стряхнуть им рыхлый снег, лень веткой пошевелить. Замерло все в безветрии. А солнце когда сюда доберется, чтоб сшибить пушистые алмазные шапки. Прекрасными и грустными арками выгибаются под снежной тяжестью березки. В струнку вытянулись, сверкающими пиками врезались в синее небо ели. Замшелые валуны оборотились кто ровным шаром — тронь, и покатится, кто грибом. Ворожит, чарует зимняя сказка, сотканная из неподвижности и пушистого снежного сверкания, синего неба и тишины...

Верхнюю Домбайскую долину засыпал снег непролазный. Горнолыжники накатали себе слаломную дорогу и сломя голову кидаются с нее вниз, а потом долго-долго карабкаются наверх, мелко переставляя тяжелые ботинки. Пестрые свитеры на снегу, утыканном слаломными вешками, разноцветные лыжи, смех, сосны и синее небо. Здесь оно еще синей. Просто неправдоподобно синее. Может, потому, что стал ближе к нему?

Катится над слепящими пиками гор солнце. Спряталось на минуту за причудливо надломленную, словно горб голодного верблюда, вершину — и разом дохнуло холодом. Зима! Выглянуло с другой стороны горба — и снова щуришься, стараясь не упустить даже крохотной капельки горного солнца. И снова горит лицо. Весна!

Наступит март. Желтым листком закувыркается над снегами первая лимонница, для которой долгая зима — всего лишь короткая ночь. Возле проталинки на солнечном пригреве поднимется на лохматой ножке и распустится голубая чашечка сон-травы. Так придет весна в Теберду — голубую и зеленую, белую и синюю.

Б. ЧАЩАРИН

Рис. Е. Позднева

Четвероногие космонавты

В четвертом часу пополудни 8 октября 1970 года в зале Координационно-вычислительного центра все проходило так, как бывает обычно при запусках космических кораблей с космонавтами на борту. На электронных табло, торопливо сменяя друг друга, прыгали огненные цифры, показывая точное московское время и время от старта ракеты. Светилось табло, а на центральном экране световой зайчик, отображающий движение ракеты, медленно перемещался по трассе полета.

Еще задолго до того, как первый из сынов планеты — Юрий Гагарин совершил свой триумфальный полет за ее пределы, в неизученных и неизведанных космических далях не раз побывали различные подопытные животные: собаки, кролики, мыши и крысы. Но первыми космическими путешественниками стали собаки. Лайка, Белка, Стрелка, Пчелка, Мушка, Чернушка, Звездочка, Ветерок и Уголек открыли путь в загадочный мир. В безоблачных далях побывало много советских и американских космонавтов. Но умы ученых по-прежнему тревожит невесомость.

Специалисты установили, что длительное пребывание в невесомости оказывает серьезное влияние на различные процессы, происходящие в организме. Однако такое необычное состояние организма медики не называют болезнью, все нарушения удивительно быстро проходят без врачебных вмешательств. Через несколько дней после полета у космических путешественников восстанавливается исходный вес, появляется устойчивая походка и точная координация при любых движениях.

Каковы же возможные пути преодоления барьера длительной невесомости? Может быть, средством преодоления влияния длительной невесомости станет создание искусственной силы тяжести на корабле? Не лучше ли перед возвращением на Землю создать на корабле искусственную гравитацию, постепенно увеличивая ее, чтобы человеческий организм восстановил свою мышечную массу, насытил организм кальцием, укрепил сердечно-сосудистую систему? Ведь это поможет космонавтам лучше перенести нагрузки при спуске и облегчить встречу с земной тяжестью.

Чтобы ответить на этот вопрос, нужны были новые эксперименты и всесторонние исследования. И вновь четвероногие друзья оказали неоценимую помощь человеку.

В лазурном казахстанском небе, оставляя за собой бушующий вихрь огня, стремительно уходила в бездонную темень космоса остроконечная ракета. На своей верхушке она несла корабль-спутник, в спускаемом аппарате которого находились необычные космические пассажиры. Там был целый зоологический сад. В специальных контейнерах разместились белые мыши, шесть белых лабораторных крыс, несколько сотен мух, семена различных сортов злаков, одноклеточная водоросль хлорелла. Словом, в космос уходила целая научная лаборатория, заселенная четвероногими космонавтами.

В сообщении ТАСС указывалось, что произведен очередной запуск искусственного спутника Земли «Космос-368» для проведения биологических исследований и дальнейшего изучения влияния факторов космического полета на живые организмы.

С борта корабля-спутника принимаются телевизионные кадры. В отдельном блоке установлены различные хитроумные приспособления, обеспечивающие жизнедеятельность животных, рядом — регистрирующая аппаратура.

Распластавшись на полу контейнеров, недвижно замерли четвероногие космонавты. Их мускулы напряжены, головы опущены на передние лапы. Сила ускорений прижимает маленьких животных к стенкам контейнеров, обитых мягким материалом, их тела наливаются необычайной тяжестью. Животные не могут двигаться. Им трудно дышать. Шум и вибрации ползут по стальному корпусу ракеты, передаются каждой клеточке маленьких космонавтов.

Однако животные еще на Земле подготовились переносить перегрузки, вибрации и шум, приучились долгие часы находиться на одном месте, не двигаясь. Но вот неожиданно в кабине наступает удивительная тишина, вес животных становится равным нулю. Будто подброшенные пружиной, крысы и мыши мгновенно отрываются от пола контейнера, повисают в воздухе, занимая самые фантастические позы. Они беспорядочно перемещаются в контейнерах, кувыркаются через головы, плавают на спинах с растопыренными лапами, беспомощно крутятся, совершая некоординированные движения. Хвост животных то выпрямляется, то сгибается. Потеряв точку опоры, животные не ощущают ни «низа», ни «верха».

Постепенно космические пассажиры привыкают к необычным условиям, успокаиваются. Их движения становятся медленными и более плавными. Крохотные существа приспосабливаются к условиям невесомости, начинают ориентироваться в окружающем пространстве. Ткнувшись мордочкой в стенку контейнера, крыса плывет к своим собратьям в противоположный угол, потешно раскинув лапы и вытянув хвост.

Впрочем, лабораторные животные не впервые попадают в условия невесомости. Они прошли хорошую «летную практику», неоднократно поднимаясь на летающей лаборатории ТУ-104, где создавалась кратковременная невесомость.

Есть такая поговорка: «Живучий как кошка». Но она не совсем правильно отражает суть дела. А говорящие так, очевидно, и не подозревают, что на самом деле кошки не столь живучи, как о них говорят. Советские ученые экспериментальным путем установили, что кошки, например, переносят ускорение, увеличивающее их вес всего в 20 раз, тогда как собаки выживают при ускорении, когда их вес увеличивается за 5 минут в 80 раз. При этом маленькая — например, с Лайку — собачка начинает весить почти полтонны. Но еще большие нагрузки выдерживают насекомые. Эти рекордсмены способны безболезненно переносить 2000-кратное превышение своего веса.

Сделан первый оборот вокруг Земли. Корабль проходит над одной из станций слежения командно-измерительного комплекса. Дежурный оператор выдает на борт спутника серию радиокоманд. Незамедлительно, нарушив безмолвную тишину, в кабине раздается сухой щелчок, через доли секунды второй, третий. Это открылись одна за другой крышки автоматических кормушек. Крысы и мыши тянутся за пищей, извлекая вязкую желеобразную массу и воду. Они приучены быстро и хорошо пользоваться автоматом кормления. В результате многочисленных тренировок у них выработался условный рефлекс на знакомый привычный шум. Едят животные в строго определенное время. Один раз в сутки. Вот застрекотала кинокамера — производится киносъемка животных.

На борт подана очередная команда. В одном из контейнеров, где находятся белые лабораторные мыши, размещена миниатюрная центрифуга. И вот закрутилась «чертова мельница». Все быстрее и быстрее вращается карусель. Находящиеся в ней мышки-космонавты обрели весомость, хотя искусственная тяжесть немногим превышает половину земной. Теперь мыши не «плавают», а сидят на полу, поднимают головы, передвигаются с места на место. Цель данных экспериментов — дальнейшее изучение влияния космического полета и искусственной силы тяжести на организмы.

Исследования, проведенные советскими учеными, показали, что тяжесть, в три-четыре раза меньшая, чем на Земле, уже обеспечивает нормальное поведение подопытных животных.

На борту спутника находились и плодовые мушки (дрозофилы) — обычный объект генетических исследований. Они очень плодовиты, размножаются со сказочной быстротой, дают за несколько дней колоссальное потомство. Поэтому очень скоро можно получить материалы, как повлияла космическая среда на наследственность насекомых.

Как видим, на пути к длительным космическим полетам человека проблемой номер один по-прежнему остается невесомость. В познании ее загадочных тайн человеку помогают подопытные животные.

Б. КОЛЕСОВ

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

АПРЕЛЬ

Пробивают апрельский снег подснежники. Вот уже и засинел под кустом цветок хохлатки. Но недолго осталось лежать последнему тяжелому почерневшему снегу. Словно сахарные, тают его последние островки. А если пройдет первый теплый дождь, то снег исчезнет почти на глазах.

Разольются реки, затопят прибрежные кусты, стряхнут окончательно зимний сон деревья, зазеленеют слегка набухшие, но нераскрывшиеся почки, раздвинут теплую черную землю остроконечные зеленые травинки — всю силу и мощь покажет весна. С каждым днем прибавляется тепло, появляются новые краски, голосистее и звонче льются песни птиц.

Позавчера вечером вскрылась речка. Вода затопила норы ондатр, и те выбрались на сухие острова. Они чистят свои шубки и будто не обращают никакого внимания на половодье. Некоторые зверюшки забрались на старые жерди, что лежали у самой реки. Вскоре вода подступила к ним, подняла жерди и понесла вниз по течению вместе с ондатрами. Жерди уносило все дальше и дальше, а ондатры даже не заметили, что отправились путешествовать.

Громче всех по вечерам кричат дрозды-рябинники. Они так стрекочут, что за их криком трудно разобрать других птиц. Когда рябинники немного успокаиваются, слышны иногда не очень громкие редкие звуки: «Хорр-хорр, хорр-хорр, цик-цик!» А потом над краем опушки появляется большая птица с длинным носом. Она облетает опушку и спешит дальше. Это вальдшнеп. Вернувшись на родину, лесной кулик по вечерам облетает все опушки, просеки, поляны, будто проверяет, что же изменилось здесь за зиму. Так вальдшнепы каждую весну токуют. Подчас они даже устраивают в воздухе настоящие бои друг с другом.

В перелеске проснулся еж. Колючий-преколючий, худой, идет вперевалку, пропитание ищет. Хоть и была для него зима за одну ночь, а и он по весне соскучился. Рад и солнцу, и пряной земле, и первой зелени. Стучит коготочками, носом листья переворачивает, а сам весь на слуху: как бы кто врасплох не застиг. А как опасность — в колючий клубок: попробуй возьми! Голодная лиса и та отступится.

Барсук проснулся. Хоть и сладко спалось, а пора из норы выходить — голод вон гонит. Еще не успел с лесного холма спуститься, а уже принялся в лиственной ветоши жуков и улиток добывать. Кое-где и нежный корешок пятачком поддел. А в норе — барсучиха с детенышами. Прикормит их теплым молочком, а тут, глядишь, и барсук вернулся. Теперь можно самой идти на промысел. Пора на весну посмотреть, пора за силу браться.

В укромном уголке леса отрадно сейчас встретить нарядный кустик волчьего лыка. Листьев у него пока нет, а уж верхушки веток унизаны пучками сиреневых цветочков. Волчье лыко, или волчеягодник, зацветает в одно время с орешником, ивами и ольхой, но выглядит он куда ярче их. В неодетом лесу этот кустик — самая большая достопримечательность. А как кругом оживятся краски, волчье лыко померкнет, летом и вовсе станет незаметным. И лишь под осень волчеягодник напомнит о себе горошинами рдяных плодов. Плоды эти ядовиты, и люди их не трогают, называя для предосторожности «волчьими».

В самом начале марта на лугу появились тетерева-косачи. Рано утром я всегда слышал их громкое воркование и чуфыканье. Когда тетерева улетали обратно в лес, я шел к лугу и находил там следы тетеревиного тока. На прочной корке наста следы тетеревиных лап почти не оставались, и о том, где бродили тетерева, где встречались друг с другом и устраивали свои короткие бои, я догадывался лишь по редким черным перьям, оброненным тетеревами в драке.

Когда снег начал таять и появились первые проталины, я стал находить и следы тетеревиных лап. Они очень походили на следы обыкновенных петухов и кур. Но вот снег на лугу растаял, на реке приподнялся и стал голубым от весенней воды лед, а потом из-подо льда вышла широкая полая вода, которая за два дня затопила весь луг. Теперь тетерева перебрались повыше, к прошлогоднему полю, где сеяли рожь. Там, среди старого жнивья, косачи попрежнему устраивали свои бои-турниры. Иногда утром я приходил на поле, издали слушал воинственные песни тетеревов и там же на поле стал встречать перелетные гусиные стаи.

Гуси опускались сюда передохнуть. Прилетали они поздно вечером и молча, так что я почти никогда заранее не знал о прибытии гусей. Но когда приходил к полю, издали слышал тревожный гогот гуся-вожака. Его тут же подхватывали другие птицы, и вся стая, не дожидаясь, когда я подойду поближе, тяжело поднималась на крыло, выстраивалась и уходила дальше на север.

Недавно я тоже отправился на поле пораньше утром. Шел тихо, до гусей еще было далеко. Справа раздавались голоса тетеревов. Но тетерева вдруг смолкли, а потом один за другим косачи посыпали с поля в лес.

Я остановился, спрятался за куст и стал ждать. Нет, я не мог напугать тетеревов — до них было еще очень далеко. И тут с другой стороны поля раздался тревожный крик гусей. Гуси поднялись на крыло и потянули над лесом.

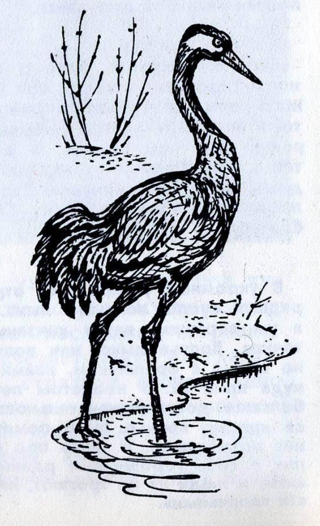
Кто же напугал тетеревов и гусей? И вскоре со стороны поля показалась лиса. Она шла не спеша, не оглядываясь и не прислушиваясь. Лиса спустилась к весеннему разводью и затаилась в кустах. Наверное, она кого-то заметила. Я поднялся из своей засады и быстро пошел к разливу. Лиса увидела меня, выскочила из кустов и напрямик посеменила к лесу.

Я подошел к кустам, где пряталась лиса, и почти тут же заметил на воде двух чирковых уток: уточку и селезня. Чирки как ни в чем не бывало плавали по разводью. Я не стал их пугать и принялся разбирать следы, оставшиеся на берегу разлива.

Здесь были следы лисы которая только что таилась в кустах, были следы уток, куликов, тонкие стежки-следочки трясогузок. И, конечно, следы тетеревов. Они тянулись по берегу разводья и даже заходили в воду. И я не удивился этому. Ведь совсем недавно здесь был тетеревиный ток. На мягкой земле луга следы косачей хорошо отпечатывались. А потом их мягко укрыла весенняя вода и совсем не испортила. Так и получилось, что под водой хорошо сохранились следы лесных петухов. Они казались совсем свежими, будто были оставлены только сегодня утром.

И вдруг рядом со следами косачей я заметил еще одни странные следы. Сначала мне показалось, что по дну разлива бродил очень большой тетерев. Но таких больших косачей просто не бывает. Я нашел то место, где неизвестные мне следы заходили в воду, и еще больше удивился. Дело в том, что неизвестная птица заходила в воду и бродила по разводью совсем недавно: или этой ночью, или рано утром, незадолго до моего прихода. Вчера вечером шел первый весенний дождь. И под дождем следы тетеревов, оставшиеся на берегу разлива, расплылись и стали не такими ясными, как на дне разводья.

Дальше по берегу я отыскал много свежих следов неизвестных птиц и догадался, что это были серые журавли.

Вечером прилетели они на луг и остановились у разлива. Я зарисовал следы журавлей, тетеревов, оставшиеся на дне разводья. Зарисовал следы уток-чирков и след лисицы. А потом снова поднялся к ржаному полю и зарисовал следы диких гусей. И теперь я уже не спутаю их с любыми другими.

Ну а какие следы удавалось встретить вам весной на поле, на лугу, на краю разлива и даже на дне глубоких разводьев и весенних луж? Как вы определяли их свежесть, о чем рассказали вам эти следы? Я жду ваших апрельских рассказов и сообщений.

СЛЕДОПЫТ

Давно покинули ваши кормушки зимние гости — улетели в березовую рощу синицы, отправились к себе на север снегири, свиристели, чечетки. И кажется, что ваша помощь больше не нужна ни пернатым, ни четвероногим друзьям.

Вот разве только что нужна помощь зайцам, енотам, лисам, которых захватило на маленьких островах половодье. Ну а если в ваших местах нет большой реки и спасать во время половодья никого не нужно? Что же делать тогда?

Во-первых, сейчас всем надо быть очень внимательными — ведь именно в эту пору птицы собираются сесть на гнезда и выводить птенцов.

Выбор гнезда у пернатых происходит постепенно. Как, например, у пеночек. Сначала всегда прилетают самцы, выбирают место для гнезда и начинают петь свои песни. Потом прилетают самочки, и начинается строительство гнезда. Так же ведут себя и многие другие птицы.

Выбор места для гнезда и постройка гнезда — дело сложное. Многие птицы стараются сохранить место, где строится гнездо, в тайне. Поэтому именно сейчас нужно относиться к птицам очень внимательно.

Заметите птичку, нырнувшую под кустик, не спешите узнать, что она там собирается делать. Лучше отойдите в сторону, понаблюдайте. Может, именно здесь птичка и собирается строить гнездо.

Помешаете ей, стронете ее с места — и птичка покинет облюбованное место. А еще хуже, если по вашим следам наведается собака или бродячий кот — тогда будущим птенцам несдобровать.

В апреле, когда идет перелет птиц, чаще встречаются разные птицы с переломанными крыльями: то в темноте они ударятся о телеграфные или электрические провода, то налетят на какое другое препятствие. Как помочь птице?

Осторожно поймайте раненую птицу, возьмите так, чтобы она не билась. Приготовьте две тоненькие легонькие планочки-лучинки, осторожно положите их с двух сторон перелома и очень осторожно забинтуйте их. Потом поместите птицу в небольшую клетку с мягкой подстилкой, где нет жердочек. Приносите птице все время свежий корм, поставьте рядом воду. Лучше, если клетку с раненой птицей поместить в такое место, где никто не будет ходить. И тогда через неделю ваш пернатый друг уже поправится. Когда снимете повязку, не подкидывайте птицу, дайте ей самой попробовать свои крылья. И если она совсем поправилась, то отпустите ее на волю.

Потянуло настоящим теплом. Весна распахнула голубое небо, облитое солнечным светом. Блещут говорливые воды, сбегая в лощины и овраги. Зарделись густые заросли березняков и ольшаников. На первоцветах загудели шмели и пчелы.

В апреле натуралисты отмечают в фенологическом дневнике:

ВЫЛЕТ БАБОЧКИ-КРАПИВНИЦЫ. Начинает летать, когда еще местами снег лежит. Наблюдается возле домов, на открытых просторах и лесных полянах.

ПРИЛЕТ ЗЯБЛИКОВ. Запевает через два дня после появления. Песня — громкая трель с отрывистым «росчерком» на конце.

ВСКРЫТИЕ РЕКИ. Отмечают первую подвижку льда, начало и конец ледохода.

ПРИЛЕТ БЕЛЫХ ТРЯСОГУЗОК. Явление совпадает с первой подвижкой льда. При быстром беге эта птичка заметно трясет хвостом. Пение — торопливый щебет.

ЗАЦВЕТАНИЕ ОРЕШНИКА. Отмечают дату растрескивания пыльников на мужских соцветиях. При встряхивании ветки появляется облачко пыльцы.

РАСПУСКАНИЕ ПОЧЕК ДУШИСТОГО ТОПОЛЯ. Издали заметна зеленая дымка на деревьях.

Проверь, правильны ли народные приметы:

Чибис прилетел, на хвосте воду принес.
Весною и осенью дождь со снегом — чередит.
Журавль прилетел и тепло принес.
Кукушка стала куковать — мороза больше не видать.
Багровые зори — к ветрам.
Облака плывут высоко — к хорошей погоде.

Лесная дорога обсохла, иди куда хочешь. Вот славно! Наш путь в дубраву, на светлые сухие прогалины. Там уже приподнялась от земли и расцвела медуница. Рослые мохнатые стебельки увенчаны прелестными разноцветными цветочками. Будто кто незаметно расставил букеты из разных трав.

А трава одна и та же — медуница. Просто цветки ее разного возраста, а от этого и окрашены неодинаково: молодые — розовые, постарше — фиолетовые, а совсем старые — синие. Возраст тут, конечно, исчисляют днями. И все дело в красителе. Зовут его антоциан. В молодых цветках сок кислый — антоциан румянит венчики цветов, делает их яркими, красными. Но стоит цветку постоять несколько дней, как сок станет более щелочным, и это не проходит даром. Теперь наш краситель как бы полинял, выцвел. Венчики сперва подергиваются фиолетовыми тонами, затем синими и голубыми.

Любят медуницу шмели и пчелы. Так и жужжат в зарослях травки. А поглядите, в какие цветы заглядывают насекомые? В фиолетовые. Значит, молодые нектара не выделяют, а в старых он уже иссяк. За медовую дань ранней весной это растение и названо «медуницей».

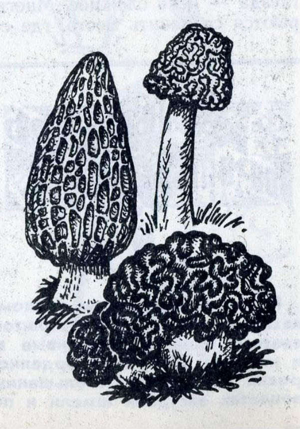
Но медуница и целебна. В пору цветения ее исстари собирают как лекарственное сырье. Отварами из этой травы лечились от золотухи и от завалов горла. Пробовали лекарственную медуницу применять и от чахотки — вот почему она в народе известна как «легочница». Заготавливают цветущую медуницу и теперь, но только там, где ее в изобилии. И делают это под наблюдением аптекарей. Если растение редко в лесу, его не рвут.

Летом медуница — дурнушка. Разве кто залюбуется пучком мохнатых черешчатых листьев? Ведь кругом будет так много пышных и ярких растений. Но сейчас медуница пленяет красотой в русском лесу.

Лес вздохнул, пробуждая могучие силы. Пора лукошками запасаться, первый грибной поход — в апреле!

Еще водостоины поблескивают на солнце, и кое-где снег за увалами не растаял, а уж на вырубках сморчки появились. Собой некрасивы: шляпка вроде скомканных пчелиных сотов — в ячейках вся, а приземистая ножка под стать снегу. Это сморчок обыкновенный. Зато росл, дороден, не в пример коническому сморчку, да и мякотью вышел крепче. Возьмешь этакую находку в руку, а она будто сама весенняя свежесть — талой водой пахнет. Настоящий гриб-подснежник!

Бывает, что ядреные сморчки пробивают и залежалый снег. Выступят тогда они наверх и лежат как картошка, только подбирай! Зато и достается торопыгам от заморозков: опалят морозцы края шляпок — отметина на всю жизнь.

Ранней весной они растут медленно — земля холодна, но начнет солнышко подольше припекать, грибы-подснежники полезут и на затененных полянках, и в хвойниках вдоль стежек-дорожек, и на просеках. Вот уж когда расщедрится Берендей! Но только появится трава, и пропадут сморчки.

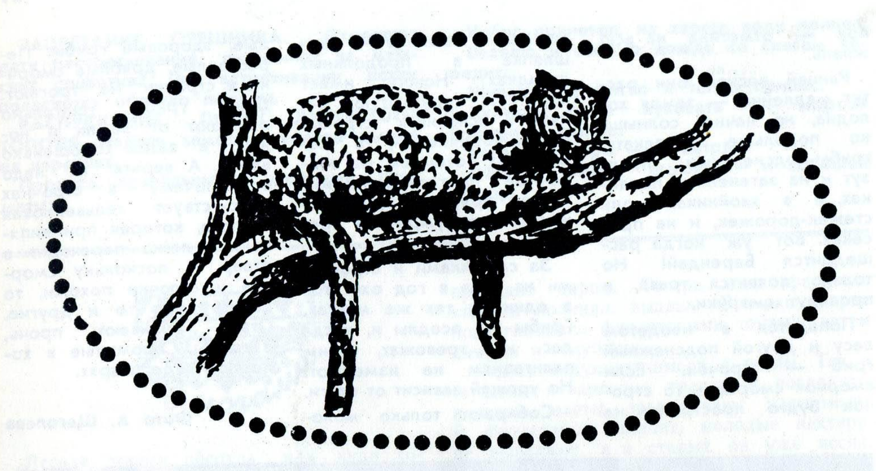
Попадется в неодетом лесу и другой подснежный гриб — строчок. Если сморчок сморщен, то строчок будто прострочен на швейной машинке — вся шляпка в продольных складках. Ножку имеет короткую, трубчатую, белую. В осинниках строчок светло-коричневый, в березняках потемнее. На солнечные прогалины не выбегает, предпочитает отсиживаться в сумрачных крепях.

За сморчками и строчками из года в год охотятся в одних и тех же местах. Грибы эти оседлы и, когда лес не тревожат, своим плантациям не изменяют. Но урожай зависит от влаги.

Собирают только молодые, здоровые грибы. Перестоялые, дряблые сморчки и строчки не трогают. Дома грибы тщательно очищают от земли и ножек, а затем хорошенько варят. А варить их надо вот почему: в строчках присутствует гельвелловая кислота, которая при кипячении легко переходит в отвар. А поскольку сморчки и строчки похожи, то варить надо те и другие. Отвар выливают прочь, а грибы, промытые в холодной воде, жарят.

Фото А. Щеголева

ПЯТНИСТЫЙ СФИНКС

Однажды друзья попросили меня взять на воспитание восьмимесячную самку гепарда. Я в это время была на съемках фильма «Рожденная свободной». База нашей киногруппы находилась у подножия горы Кения.

Хотя гепарды приручаются легче остальных больших кошек, об их образе жизни на свободе почти ничего не известно. Это единственные в своем роде животные: они совмещают в себе признаки кошек и собак. И хотя гепардов все же относят к кошачьим, они сильно отличаются от них. Это резвейшие на земле млекопитающие. Гепарды словно созданы для скоростного бега — легкий костяк, маленькая головка, короткий подбородок, длинные стройные ноги. Когти у них не втягиваются, как и у собак. Гепарды и сидят по-собачьи, и охотятся как собаки. Однако отпечатки лап у них совершенно кошачьи. Гепарды пользуются когтем первого пальца так же, как все кошки, и лазят по деревьям, хотя это, может быть, и приобретенная привычка. Золотисто-песчаная шерсть гепарда похожа на шерсть гладкошерстных собак, а черные пятна на ней пушисты, как кошачий мех.

Гепарды — одиночные животные, и на равнинах, где они живут, их редко встречают группой — только с детенышами. Детенышей обычно бывает до четырех. Малыши появляются на свет через девяносто — девяносто три дня. У них длинная пушистая гривка, серый мех на спинке и темная гладкая и пятнистая шерстка на брюшке. Первые два-три месяца они похожи на серебристых шакалов с забавным пестрым брюшком. Постепенно пятна проступают по всей шкурке, она становится золотистой и гладкой, а остатки гривы сохраняются только на плечах и загривке.

Гепарда подобрали в Ваджире — пустынной области в северной провинции Кении. Майор Данки взял маленькую сиротку и вырастил ее в своем доме. Вскоре малышка стала ездить со всем семейством за покупками, и ее хорошо знали.

Когда я увидела семейное чаепитие в обществе гепарда, который невозмутимо восседал на собственном стуле и пристально рассматривал окружающих золотыми глазами, то сразу полюбила эту кошечку.

При знакомствах с детьми и животными я следую своему старому правилу: предоставляю инициативу им самим. Чтобы дать Китти, так звали гепарда, время решить, как ко мне надо относиться, я разговорилась с ее хозяевами, стараясь разузнать как можно больше о ней. Мне сказали, что Китти обожает детей и играет с ними в прятки в саду, но не прочь погоняться за людьми и собаками. Еще мне сказали, что Китти обожает плюшевого кролика, и этой куклой ее легко отвлечь, если она начнет плохо себя вести. Наконец, на тот случай, если она объявит сидячую забастовку, мне посоветовали прямо хватать ее за хвост и загривок, так как она к этому вполне привыкла. Китти съедает три фунта сырого мяса в день и пьет много молока, в которое можно добавлять четыре капли поливитаминов. Как редкое лакомство, ей можно давать птицу-мышь.

Пока мы болтали, Китти изучала меня, щуря глаза под тяжелыми надбровьями, потом потянулась ко мне и с громким мурлыканьем облизала мое лицо. Я гладила мягкий мех, чувствуя, что все ее тело вибрировало, как мотор, когда она издавала ритмичные звуки — знаменитое мурлыканье гепарда. Потом Китти стала слегка покусывать мне ухо, а это, как меня уверили, признак самого лучшего отношения. Мы поняли, что она меня признала и скоро мы станем друзьями.

Именно в этот момент мне пришла в голову мысль — вернуть Китти к свободной жизни, для которой она была рождена.

Через несколько дней гепарда привезли в наш лагерь. Я жила там все время, пока снимался фильм «Рожденная свободной». Вольер был уже готов. Его построили вокруг большого дерева, а среди ветвей приладили площадку из досок, чтобы Китти могла лазить сколько угодно. Скалами в вольере должны были служить скамейки. Чтобы гепард чувствовал себя спокойнее ночью, я заказала большую деревянную клетку с подъемной дверью, затянутой сеткой. Дверь эта примыкала к моей палатке, другая открывалась в вольер. Таким образом, когда Китти станет одиноко, она всегда сможет почувствовать, что я рядом.

Смена приемных родителей — самый подходящий момент для того, чтобы отучить Китти спать на постели. Я расстелила в клетке знакомое Китти одеяло, принесла подушку, игрушки, а свою кровать поставила около проволочной двери.

Я попросила у Данки разрешения сменить имя гепарду. Мне хотелось назвать малышку Пиппой — и произносить легче, и хорошо будет слышно, если гепард заблудится.

В лагере Симба (Львином лагере) Пиппа вызвала живой интерес у львов, которые снимались в фильме. Ближайшие ее соседки, две старые львицы, бродили вдоль загородки, стараясь получше разглядеть странное пятнистое существо. Все вольеры были разбросаны по участку и разделены деревьями. А некоторые вдобавок были даже загорожены щитами, чтобы животные не видели друг друга. Считалось, что это обеспечит им полное спокойствие. Но эти предосторожности не могли помешать львам слышать звуки и ловить запахи, особенно после заката, когда их тревожное рычание наполняло ночную тишину.

Мне нравилась эта перекличка, но бедная Пиппа была в ужасе. Окаменев от страха, она смотрела в темноту, откуда неслись эти звуки. Почти всю ночь мне пришлось сидеть с ней рядом, гладить и уговаривать, пока она не успокоилась. Реакция Пиппы была вполне объяснима: на свободе львы вообще с гепардами не ладят.

Поэтому я почувствовала огромное облегчение, когда на следующий день мы со съемочной группой выехали на побережье.

Пиппа давно привыкла к машинам, быстро водворилась на переднем сиденье между мной и рабочим Мугуру. С огромным любопытством разглядывала она все, что встречалось по дороге, и была, по-видимому, очень довольна, так как время от времени терлась об меня шелковистой головой или лизала мое лицо.

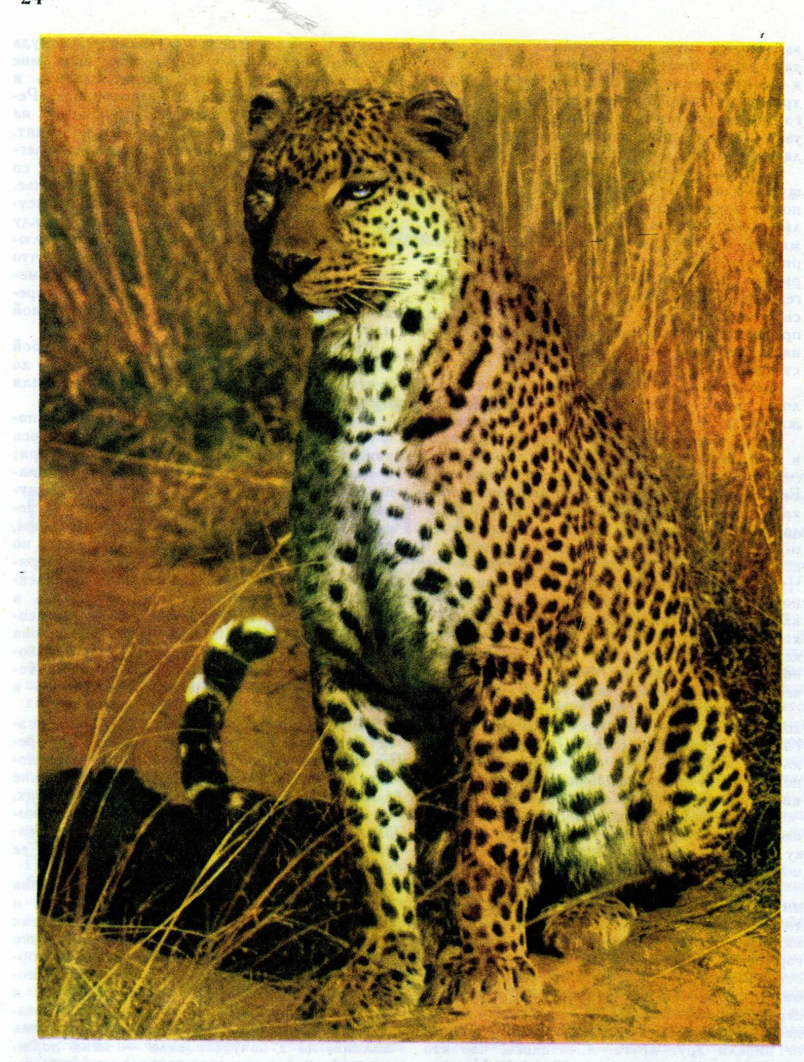
Лагерь раскинулся на берегу Голубой лагуны, а я проехала еще миль пять до бунгало, специально приготовленного для нас с Пиппой.

Пока ставили вольер, мы с Пиппой пошли погулять по берегу. Мне не терпелось увидеть, как она будет вести себя у моря; я никогда не слыхала, чтобы гепарды плавали. И действительно, Пиппе морское купанье явно пришлось не по вкусу. Несколько раз она, правда, замочила лапы, пытаясь войти следом за мной в воду, но потом предпочла ждать меня на берегу рядом с Мугуру. Тут ее внимание привлекли суетливые крабы — они скрывались в норках как раз в тот момент, когда она собиралась их прихлопнуть. Озадаченная, она взглянула на меня и внезапно сломя голову понеслась вдоль берега. Ей-то было хорошо, но я едва поспевала, вцепившись в поводок.

На мое счастье, гонка прекратилась возле коралловой глыбы, обсыхавшей во время отлива. Пиппа принялась ее обследовать: сначала она обнюхала подножие глыбы, а потом забралась на самый верх, не обращая внимания на острые края кораллов. Можно было подумать, что безбрежная широта неба и моря очаровала ее не меньше, чем меня.

Пока я созерцала эту картину, Пиппа нашла себе новую игру, катаясь в песке и гоняя гнилой кокосовый орех. Вывалянная в песке, она выглядела так потешно, что я расхохоталась. Должно быть, это оскорбило Пиппу, потому что она внезапно вскочила и так толкнула меня лапами, что я перекувырнулась. Когда я поднялась, вымокшая до нитки, вид у меня был очень жалкий, но я почувствовала — меня должным образом поставили на место. Не успела я встать на ноги, как Пиппа бросилась бежать, и мне пришлось мчаться за ней со страшной скоростью.

На следующий день мы пошли в лагерь киногруппы. Львы плескались в море, как их морские тезки. Их легко было загнать

в воду и гораздо труднее выманить обратно. Когда львицы отдыхали в своих вольерах, я воспользовалась случаем, чтобы искупаться. Пиппа некоторое время наблюдала за мной и вдруг, стиснув зубы, бросилась в воду. Скоро она потеряла дно и поплыла, отчаянно колотя лапами. Я была полна гордости — ведь она решилась на такой поступок, только чтобы быть рядом со мной. И еще я подумала, что это, быть может, первый в мире гепард, плавающий в океане.

На следующее утро мы опять гуляли с Пиппой и Мугуру по берегу. Я ненадолго

оставила их вдвоем. Когда же возвратилась, Мугуру показал мне свисающую с поводка пустую шлейку — Пиппа стала рваться за мной и вырвалась. Я встревожилась: в густом кустарнике найти гепарда по следам было невозможно. Мы долго звали Пиппу. В конце концов нам так захотелось пить, что я предложила вернуться домой, напиться и потом снова продолжить поиски. Когда мы подходили к бунгало, у меня появилось странное ощущение, что за мной наблюдают. Я нагнулась и увидела Пиппу, затаившуюся в кустах. Она была счастлива не меньше меня и основательно облизала мое лицо. Поразило то, как уверенно Пиппа нашла обратный путь домой. И мне стало стыдно, что я так недооценила ее врожденные способности.

Прошло несколько дней. Пиппа перестала бояться воды. В часы отлива она с удовольствием обследовала обнажавшееся дно вокруг нескольких коралловых глыб, недалеко от берега. К сожалению, держать ее приходилось на поводке, потому что она все время норовила забраться на коралловые островки, откуда мне никак не удалось бы ее снять, если бы ей взбрело в голову остаться там во время прилива. Пиппа пыталась ловить рыбешку в мелких лужах, гонялась за соблазнительными травами и плескалась в воде. Мне так и не удалось сфотографировать ее, когда она плыла, — ведь на это она решалась, только чтобы быть со мной рядом.

Однажды на море поднялось сильное волнение, и шум разбивающихся у берега волн затих только на рассвете, во время отлива. Когда мы вышли на утреннюю прогулку, оказалось, что по всей линии прибоя нанесло огромные кучи водорослей. Пиппа, по-видимому, решила, что их воздвигли специально для нее, и принялась прыгать с кучи на кучу, причем с такой быстротой, что казалось, она летит. А так как поводок нельзя было отпустить, то и нам с Мугуру пришлось по очереди, задыхаясь, бегать вслед за ней. Мы возненавидели эти кучи водорослей так же горячо, как Пиппа их полюбила.

Всю жизнь я мечтала о ручном гепарде. Но сначала у меня появилась львица Эльса. Гепарды по темпераменту и характеру совсем не похожи на львов. Львы общительны, открыто выражают свою любовь, постоянны в привычках, никого не боятся и ведут себя спокойно и уверенно, а гепард скрытен, всегда насторожен и напряжен и инстинктивно старается спрятаться.

Гепарды в основном питаются птицами и мелкими млекопитающими, и очень может быть, что они подражают птицам, чтобы подманить их. Но сколько бы Пиппа ни гонялась при мне за птицами, она никогда не издавала ни звука. Правда, Пиппа просто играла с птицами, а не охотилась за ними.

Металлическое «чириканье» гепарда хорошо известно. Это звук, которым они сообщают о своем присутствии или об опасности. Защищая свою добычу, Пиппа рычит и тяжело дышит, а когда она довольна, все ее тело дрожит от мурлыканья.

У нее был уютный ящик для сна, но Пиппа даже в дождливую погоду предпочитала спать снаружи, в вольере. Мы были этому рады — значит, она все-таки предпочитает жизнь на свободе положению домашней кошки. Чтобы еще больше отучить Пиппу от дома, я перестала брать ее с собой на главную ферму, где размещалась киногруппа. Не смогла привыкнуть Пиппа и ко львам, которые жили возле Львиного лагеря. Зато на равнине Пиппа чувствовала себя по-настоящему счастливой.

Как только я выпускала ее из машины, она уносилась вдаль, упиваясь свободой. Еще ей нравились разноцветные воздушные шарики, которые я для нее приносила. Подгоняемые ветром, они плыли, приплясывая, в высокой траве. Пиппа ударяла по ним когтистой лапой — раздавался треск, и она растерянно обнюхивала жалкие остатки. Я надувала новый шар, и начиналась новая гонка.

Еще один источник развлечения — норы трубкозубов и бородавочников, около которых были свежие кучи земли, — признак, что нора обитаема. Пиппа закапывалась в них почти целиком; ее, видимо, очень привлекал их запах. При этом она совершенно не разделяла моих опасений и страхов: а что, если обитатели этих нор попытаются выяснить, в чем дело?

Но самое большое наслаждение ей доставляли стада пасшихся поблизости антилоп. Миниатюрные газели Томсона особенно занимали Пиппу. Они довольно быстро поняли, что мы — неопасные животные, и с безразличием относились к маневрам Пиппы. Как бы хитро она ни подкрадывалась к ним, скрываясь в траве, припадая к земле, они не обращали на нее внимания и паслись, деловито помахивая хвостиками. Но вот Пиппа подбирается к ним вплотную, и тогда они уносятся вскачь, а потом оборачиваются и ждут, пока Пиппа снова не окажется рядом, — только для того, чтобы повторить это издевательство. Я смотрела не отрываясь и радовалась, что жизнь с людьми не заглушила природные инстинкты Пиппы — значит, можно было надеяться, что, получив возможность поучиться, она сумеет в один прекрасный день загнать свою добычу, как любой дикий гепард.

Д. АДАМСОН

Перевод с английского

(Окончание следует)

Весна. Ее дыхание чувствуется повсюду. Велика наша страна. И в каждый ее уголок заглянула весна. Где уже буйно цветут деревья, расточая тонкий аромат цветов, а где только распустились сережки у ольхи. По-разному встречают весну звери и птицы. В лесу уже появились маленькие зайчата. В норах подрастают барсучата. Одни птицы сели выводить птенцов, а другие только заканчивают постройку гнезда.

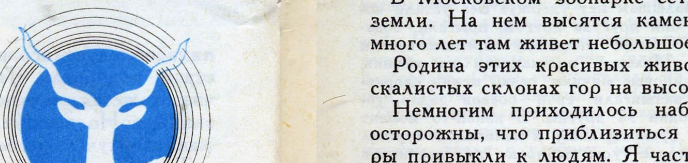
Еще совсем недавно распевали свою приятную песню синицы. Возвещали о приходе весны. А сейчас отдыхают после постройки гнезда. Кончилось время песен. Теперь пора птенцов выводить.

Заглянула весна и в Уссурийскую тайгу. Всю зиму бродили тигры по тайге. Протаптывали в снегу свои звериные тропы. Хищно горели глаза, выискивая добычу. А сейчас пригрело солнышко, и полосатые хищники обрадовались весне. Ласковыми стали, подобрели. Такие безобидные, что, кажется, можно подойти и погладить. Но внешний вид всегда обманчив. Лучше не беспокоить тигров.

Теплые весенние солнечные лучи развеселили птиц и заставили подобреть, хотя на минутку, хищников. Неповторимы эти мгновения. И много их весной. Но не успеет их вовремя схватить объектив, и пропадут они, и не повторятся больше.

Будни „Турьей горки“

В Московском зоопарке есть большой, обнесенный изгородью участок земли. На нем высятся каменистые уступы. Это «Турья горка». Уже много лет там живет небольшое стадо туров.

Родина этих красивых животных — Кавказ. Они обитают на крутых скалистых склонах гор на высоте до 4 тысяч метров.

Немногим приходилось наблюдать туров в природе. Они настолько осторожны, что приблизиться к ним почти невозможно. А в зоопарке туры привыкли к людям. Я часто приходила к «Турьей горке». О том, что мне удалось увидеть, я и хочу рассказать читателям.

Туренок родился в последний день весны. Это событие заставило туров прервать солнечные ванны, которые они принимали, лежа среди огромных серых валунов. Новорожденный сразу оказался в центре внимания. Косясь глазами в сторону счастливой матери, первыми подошли знакомиться взрослые турицы. Та стояла рядом с малышом и нетерпеливо ждала, когда же гости перестанут обнюхивать и рассматривать ее сына. Наконец она не выдержала и разогнала любопытствующих «тетушек». Годовалым турятам мать вовсе не разрешила подойти к новорожденному. Последними к новому члену стада приблизились старые, увенчанные тяжелыми рогами самцы. Турица и здесь проявила подозрительность, как потом выяснилось, не лишенную оснований. Она загородила собой детеныша и, подталкивая его лбом, заставила отойти в безопасное место.

Когда церемония представления закончилась, оказалось, что новорожденный уже успел проголодаться. Как и полагается, он стал тыкать мордой в мамин живот. После нескольких неудачных попыток ему, наконец, удалось найти сосок, и туренок начал первый в своей жизни завтрак. Через минуту он насытился. Тут силы покинули малыша, и он в изнеможении опустился на землю. Матери это место не понравилось, тем более что туренок улегся у ее ног. Она решила устроить сына поудобнее. Передней ногой несколько раз шаркнула по нежной шкурке детеныша, заставив его подняться. Потом отошла в сторону и оглянулась. Увидев, что туренок не идет за ней, она издала протяжный скрипучий звук. Этот зов подстегнул его, заставил подойти к матери. Позднее мне часто приходилось наблюдать, как турицы «скрипят», призывая к себе малышей.

Мать повела своего туренка в гору. Беспрерывно оглядываясь, она соразмеряла свои шаги с еще робкими, неуверенными шагами сына. Вот они среди больших серых камней. На минуту я отвлеклась, а когда снова посмотрела наверх, увидела одну самку. Туренок как сквозь землю провалился! Только в бинокль удалось разглядеть два шевелящихся треугольных уха, торчащих из-за камня. Потом и они пропали. Турица постояла немного и начала спускаться. Детеныш остался среди камней.

Много раз я видела, как маленькие турята прячутся, и меня всегда удивляло, как они это ловко делают. Малыш ложится всегда повыше камня и прижимается к нему боком. Камень — барьер, который препятствует падению вниз. Затаившегося туренка увидеть очень трудно. Проходя как-то мимо «Турьей горки», я случайно взглянула сквозь загородку. Не пошевелись туренок — и я не увидела бы его, как не увидели малыша многие посетители зоопарка. Он лежал, прижавшись к камню, прямо у забора. Заметив приближающихся людей, туренок весь как-то распластался, вытянулся, плотно прижал уши к голове и замер. Не удержавшись, я просунула руку и погладила его по спине. Он не пошевелился, только карие выпуклые глаза испуганно смотрели на меня.

На следующий день туренок уже довольно уверенно скакал около матери. Она ни на минуту не оставляла его без внимания. Малыш проскакал несколько метров по тропинке и прыгнул на камень. Ноги у него разъехались, и туренок свалился вниз. Не успел он «отдышаться», как раздался громкий скрип. Оказалось, мать не побежала за непослушным сыном, а стояла и смотрела на его проделки издалека. Услышав зов, малыш сразу поскакал к ней.

Через неделю туренок научился ложиться так, как это делают взрослые. Потоптавшись на месте, он скреб копытом и только после этого укладывался. В том же возрасте у туренка появился интерес к «хлебу насущному» — траве и сену. Его как магнитом потянуло к кормушке. Захватив травинку, он держал ее во рту, потом двигал челюстями, как бы жуя. Травинка исчезала и снова показывалась с противоположной стороны рта. Не переставая жевать, туренок около получаса гонял ее из одного угла рта в другой и наконец выплевывал. Эта тренировка продолжалась около трех недель, после чего туренок стал есть по-настоящему.

Пока в стаде не было других турят, наш малыш играл только со своей матерью. Она первая начинала заигрывать с ним. Нагнув голову, толкала сына лбом. Он отпрыгивал в сторону, затем, подскочив к матери, сам ударял ее. А турица поворачивалась по кругу, подставляя для ударов лоб. Когда мать ложилась отдыхать, туренок мешал ей: прыгал на спину, скользя, съезжал вниз, снова оказывался на спине, шаркал по ней копытом. Наконец матери надоели шалости сына, и она выразила свое неудовольствие, толкнув малыша лбом.

Когда появились сверстники, игры стали оживленнее. Тяжеловесным мамашам лень было в жару скакать с камня на камень. Зато малышам нет удержу! Без устали носились они друг за другом, прыгали, бодались... Обычно поединку предшествовали скачки. Малыши, подскакивая на камнях, как резиновые мячики, резко меняя направление, разжигали свой боевой задор, гоняясь один за другим. В какой-то момент погоня прекращалась, и начинался турнир.

В природе туры выбирают для поединков небольшие ровные площадки на краях уступов. На «Турьей горке» самым подходящим местом оказалась плоская крыша одного из домиков. Не только турята пользовались ею для выяснения своих отношений. Если взрослые рогачи что-то не поделили, они забирались на крышу и, немного попугав друг друга ложными выпадами, вставали на дыбы и со страшной силой сшибались лбами. Раздавался такой громкий треск, что я начинала серьезно беспокоиться, останутся ли целы их головы. Поединок обычно заканчивался поражением одного из партнеров, который, не мешкая, удалялся с поля боя. В природе такие турниры не всегда кончаются благополучно, особенно если стычка происходит на узком уступе. С помощью рогов свои недоразумения разрешали и самки. Правда, для восстановления порядка бывало достаточно толчка в бок или угрожающего наклона головы. Становилось понятным, почему турята-малыши так часто устраивали поединки. Только с их помощью детеныши смогут занять свое место в стаде, когда вырастут.

Интересно наблюдать, как турята «приглашали» друг друга играть. Один малыш подходил к другому, уютно устроившемуся среди камней, несколько раз взмахивал головой и подпрыгивал на месте. Решив, что этого недостаточно, он приближался к туренку, шаркал передней ногой по его спине, взмахивал головой и уносился прочь. Чаще всего «приглашение» принималось, и оба начинали лихо скакать.

Во время игр турицы старались не терять своих малышей из виду. Иногда раздавались скрипучие звуки: это самки подзывали турят. Бывало, игра становилась слишком оживленной, и возбужденные, разгоряченные малыши пропускали этот призыв мимо ушей, заставляя звать их еще и еще раз. Тогда одна из родительниц, не выдержав, бросалась им наперерез. Турята разбегались в разные стороны.

Самки отлично знали своих детей и никогда не путали их. Этого нельзя сказать о самих турятах. Иной раз вдвоем, а то и втроем мчались они на зов. Выбрав из подбежавших своего малыша, турицы прогоняли чужих, толкая их лбом.

Взрослые самцы — само мужество и достоинство. Когда они стояли на вершине, увенчанные прекрасными рогами, их силуэты четко выделялись на фоне голубого неба. Что же касается отношения этих красавцев к турятам, то оно далеко не так благородно. Отцы не проявляли ни малейшей заботы о малышах. Наоборот, на «Турьей горке» мне часто приходилось видеть, как самцы не подпускали их к кормушкам, гнали с удобных мест. Подойдет какой-нибудь рогач к туренку, устроившемуся за камнем, шаркнет раз-другой по его спинке своим здоровенным копытом, и малыш поспешно ретируется. Самки не решались заступаться и только отталкивали детенышей, не подпуская их к самцам. Может быть, поэтому в природе летом самки с молодыми держатся отдельно от них. А в зоопарке малышам иногда приходится испытывать неприятности от столь близкого соседства.

Годовалые турята проявляли не меньше деспотизма к малышам. При случае они не прочь были боднуть или прогнать тех, кто помоложе.

Особые отношения складывались между турицами. Чем слабее самка, тем чаще доставалось ей и ее детенышу от более сильных соседок. Особенно страдала старая турица с уродливыми, искривленными рогами. Не имея этого важного средства защиты, она не могла энергично защищаться сама и защищать своего туренка. Поэтому всегда держалась поодаль, уступала свое место, последней подходила к кормушке.

А вот маленькие почти всегда держались по двое. Два старших, два средних и два младших. Разыгравшись, старшие могли боднуть средних и младших, средние — младших, а тем оставалось лишь бодаться друг с другом. Отношения менялись, как только у турят появлялись рога. Рогатый малыш сразу поднимался и в собственных глазах, и в глазах окружающих. На некоторое время он становился предводителем среди одногодков. Но как только другой туренок становился обладателем этого важного украшения, между ними начиналось постоянное соперничество. И так до тех пор, пока турята не вырастали и не занимали своего места среди взрослых членов стада.

Ч. МЕШКОВА

Щедро разлилась полая вода. Вместо солнечных полян, покрытых летом разнотравьем, появились в лесу голубые озера.

Залюбуешься этой картиной. Но совсем не до веселья лесному зверью. Загнала вода зверей на небольшие островки, а некоторых и на деревья. Островки, правда, тоже не очень надежное место. Сегодня они есть, а завтра скроются под водой.

Приходит тогда на помощь зверю человек. В высоких охотничьих сапогах, с сеткой отправляется он спасать лесных обитателей.

Попала в весеннюю ловушку хитрая лиса. Но хитри не хитри, а самой уже не выбраться — вокруг дерева бушует весеннее море. Забилась в сетке рыжая плутовка. Не хочется с лесом расставаться. Но путь-то ей предстоит недалекий, только до сухого места. Выпрыгнула проворно из сетки и исчезла в лесу. Беги, но не попадайся больше в весенние ловушки!

А спасатели продолжают путь. Ищут пострадавших. Они народ капризный. Не сразу идут в сетку, упираются, царапаются, а то и кусаются. Намучаешься с ними, пока спасаешь. А вода не ждет, прибывает. Торопятся люди, надо всех спасти и выпустить в незатопленный лес.

Фото В. Опалина

Рис. В. Карабута

Любознательные друзья мои, Почемучки, позвольте мне сразу же приступить к делу — открыть очередное заседание Клуба. Полагаю, нет необходимости представлять старых друзей нашего Клуба. Все они здесь и готовы в любую минуту прийти на помощь. Не так ли, уважаемый Хоттабыч?

— О, где глаза твои, Мюнхгаузен? Ап-чхи! Джинн... Ап-чхи! Странный маленький джинн...

— О чем вы там еще? Какой джинн? Не перебивайте же меня!

— Не перебиваю, но вижу отчетливо. Стоит джинн. Сухой, как еловая шишка.

— О, действительно, какое странное существо! И, похоже, бессловесное.

— Почему же это? И сказать могу.

— Но кто вы?

— А ты приглядись-ка, приглядись, ан и узнаешь меня...

— Постойте, постойте... А не плавали ли вы?..

— Эка хватил! Отродясь по воде не плавал. Лес — мой дом родной.

— Лесовичок?!

— Точно так меня зовут.

— Ну конечно, и вы из книжки...

— Постой-погоди, сразу не сказывай. Я страх загадки люблю. Так бы и загадывал, так бы и загадывал! Вот и сейчас пускай ребятишки сами скажут, откуда я. Коль читали мою книжку, вспомнят. Коль не читали — не беда: пускай разыщут да прочитают. Да сюда напишут, понравилась ли, и, кто сочинил ее, назовут. А уж коль мой портрет из лесного материала сложат, и совсем ладно будет.

— Не сомневайтесь, Лесовичок. Почемучки все исполнят в лучшем виде.

— А ты не хвались. Поживем — увидим. А я-то сюда не без дела пожаловал. По лесу слух прошел — собираются тут люди добрые, к ветке зеленой, к зверю, птице заботливые.

— Слух абсолютно справедливый.

— А коль так, слушайте дальше. Бывает, бродит по лесу злой человек: костры раскладывает — не гасит, ветки ломает, гнезда разоряет, лесные законы не исполняет. А может, он их и не знает вовсе, а?

— Браво, Лесовичок! Вы подали превосходную идею!

Слушайте, все Почемучки!

Объявляется конкурс на знаки лесных тропинок (подобные тем, которые существуют для пешеходов и транспорта). Уйма фантазии! Принимаются любые проекты и предложения. Знаки запрещающие и разрешающие. Знаки — законы и правила поведения человека в лесу. Итоги конкурса подводятся ко Дню леса.

— Гляди-ка, чего напридумывал! Доброе дело. И уж лес-то для вас постарается — подарков пошлет.

— Спасибо, Лесовичок. И считайте себя членом Клуба любопытных и любознательных.

— Отчего ж не считать? Приеду, посижу — послушаю. Сказки я страх как люблю!

— Вот уж сказок не обещаем. Но о случаях невероятных, похожих на сказки, услышите непременно.

— Однако у нас есть замечательное правило: не может быть заседания Клуба без голоса Почемучек. Мы не нарушили это правило и сегодня и прослушаем несколько сообщений.

А Ундоры не хуже Карпат

В Клубе Почемучек я прочитал рассказ одного мальчика «Карпаты мои, Карпаты». И я подумал: «А что, разве

мои Ундоры хуже Карпат? Нет, не хуже!»

Ундоры — небольшое село, окруженное со всех сторон лесом, только с одной стороны находится река Волга. Около Ундор Волгу называют Куйбышевским морем. Перегороженная плотиной Куйбышевской ГЭС, в этом месте Волга так разлилась, что и правда похожа на море. По берегам Волги находятся два дома отдыха, где всегда очень много отдыхающих. Летом по берегам Волги стоят одни палатки, в которых живут туристы из Казани, Куйбышева и Горького.

В лесу бьет из недр земли источник лечебной воды. Раньше он был засорен и малоизвестен, но в настоящее время его вычистили, проложили тротуары. Около источника построили завод по производству минеральной воды «Волжанка». «Волжанку» теперь пьют даже в Москве.

В Ундорах жил декабрист Ивашев, которого сослали на каторгу. Вокруг дома, в котором жил Ивашев, есть парк. Он уже состарился. Мы, ученики нашей школы, пополняем парк молодыми деревцами.

Я горжусь, что родился и вырос в Ундорах. Но еще больше горжусь тем, что Ундоры находятся в 45 километрах от родины Владимира Ильича Ленина — города Ульяновска.

Вот они какие, Ундоры, — небольшое село на Волге.

АЛЕКСАНДР ЧИСТОВ

Село Ундоры

Плыви, рыба!

Есть у нас на реке Луге, в Ленинградской области, остров. Называется он Большой (назвали его так из-за его размеров). Весной, в половодье, вода заливает остров, а на нем есть ямы. Рыба туда заходит, а когда вода спадет, там и остается. Я со своими друзьями Сашей и Сергеем Семеновыми ловим эту рыбу сачками и выпускаем обратно в Лугу.

Ленинград

СЕРЕЖА КУЗЬМИН

— Хоттабыч! Хоттабыч! Да куда же вы запропастились?

— О, не мешай мне слушать! О, прикажи этим девочкам и мальчикам еще усладить слух мой своими рассказами. И знай, лучше они самых чудесных сказок.

— Я с вами абсолютно согласен. Однако у меня к вам важнейшее поручение.

— Говори, я слушаю и повинуюсь.

— Нельзя ли срочно доставить сюда Айболита?

— О, я пошлю за ним редчайшее из редчайших изобретений — ковер-самолет.

— Не посылайте. Я здесь! И позволю возразить: ковер-самолет не столь уж редкое изобретение. Им отлично пользуются. Послушайте, что расскажет нам кандидат биологических наук Владимир Григорьевич Ковалев.

На ковре-самолете

Если развернуть скрученный осенний лист, часто можно найти внутри какое-нибудь мелкое насекомое — жучка или наездника, а иногда целую дружную компанию насекомых. Нетрудно догадаться, что они собрались в лист на зимовку.

Однако нередко сухой лист становится для своих квартирантов чем-то вроде ковра-самолета. Резкий осенний ветер может унести листок очень далеко, иногда на несколько километров. Крепко вцепившись в лист коготками, вместе с ним путешествуют и насекомые. Такие путешествия иногда кончаются печально, но чаще путешественники на ковре-самолете приземляются благополучно.

Полеты на листьях — очень важный способ расселения на новые места для плохо летающих или совсем не летающих насекомых. Если бы не было разных способов расселения, такие насекомые, быстро уничтожив все подходящие для еды окрестные растения, погибли бы с голоду.

Кое-кто предпочитает полет на семенах. Особенно далеко разлетаются семена с крылатками, как у клена или березы, или с пуховыми парашютиками — например, у одуванчика.

Интересный летательный аппарат у личинки одного из видов комариков — галлиц. Эта личинка — маленький червячок, настолько маленький, что поселяется внутри семечка одуванчика. Когда семечко созревает, червячок не выходит наружу, а улетает вместе с ним на парашютике, доверив свою судьбу капризному ветру. Такой полет внутри семени, конечно, удобнее, чем на поверхности листа. Когда парашютик плавно опустится на землю, червячок превращается в комарика и уже на собственных слабых крылышках летит на поиски новых растений одуванчика.

— Однако, Мюнхгаузен, вы давно не удивляли нас своими историями.

— Представьте, Айболит, на заседаниях Клуба Почемучек я сам не перестаю удивляться тому, что слышу. И все-таки я попытаюсь что-нибудь рассказать. Помнится, это случилось где-то в Аральском море. Я стоял на палубе и в подзорную трубу обозревал море. Вода, вода, вода... И вдруг я отчетливо увидел табун куланов.

— Мюнхгаузен, в море куланы? Невероятно!

— Не удивляйтесь, Айболит, доктор всех зверей. Слушайте про куланов. Рассказывает Максим Дмитриевич Зверев.

Куланы в море

На заповедном острове Аральского моря Барсакельмесе было в этот день оживленно. С парохода выгрузили одиннадцать больших ящиков, и в каждом по одному дикому ослу-кулану. Их привезли из самого южного Бадхызского заповедника на границе с Афганистаном. Ученые решили развести этих редких, вымирающих животных еще в одном месте.

Спотыкаясь и прихрамывая, куланы табунком убежали от страшных клеток и успокоились.. Кругом была та же пустыня с песчаными барханами, как и у них на родине в Бадхызе. Только пустыня не бескрайняя, а всего восемь километров ширины и тридцать длины.

Куланы спокойно паслись. Пили из мелкого озерка и снова паслись. Работники заповедника в бинокли следили за ними до темноты. Казалось, все хорошо, никто из животных не заболел и больше не хромал.

Но ночью вдруг один из куланов фыркнул. Насторожились и другие. Казалось, только теперь они поняли: это не свой Бадхызский заповедник. С каждой минутой тревога все больше овладевала ими. И вот весь табун сорвался с места и поскакал в сторону, где остался их дом. (Утром по следам это было хорошо видно.)

Но... вода преградила путь куланам. Перед ними была не обычная в пустынях мелкая лужа на такыре и не родник, а море, исчезающее в темноте.

Животные резко повернули и помчались по берегу. Все настойчивее куланами овладевало стремление вернуться домой. Но сколько они ни бежали по берегу, ему не было конца.

Всю ночь метались по острову беспокойные переселенцы. А на рассвете произошло совершенно невероятное — один за другим куланы побрели в воду. С каждым шагом становилось глубже, и весь табун дружно поплыл домой прямо по морю!

Конечно, куланам не переплыть море и они погибли бы, но наблюдатель метеорологической станции случайно заметил их в этот ранний час и бросился в заповедник будить людей. На моторной лодке куланов догнали уже далеко от берега, с величайшим трудом завернули и пригнали обратно на остров.

Это была первая и последняя попытка куланов вернуться домой. Они словно поняли безвыходность своего плена и успокоились. Остров сделался родиной для их жеребят, и сейчас табун куланов насчитывает около ста голов.

— Еще секунду внимания, Мюнхгаузен.

— Конечно, Айболит, прошу вас.

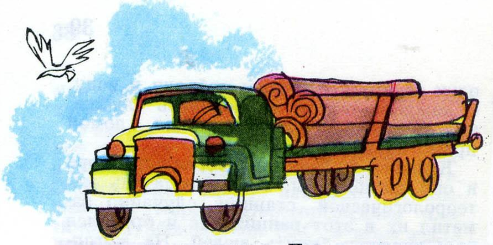
— Не спорю, мы несколько затянули наш разговор, но Михаил Константинович Крук наблюдал любопытнейший случай. И мы сейчас о нем узнаем.

На лесовозе

Однажды утром водитель лесовозной автомашины Петр Иосифович Сасункевич подошел к своему МАЗу, чтобы отправиться в очередной рейс. Из-под облицовки грузовика выпорхнула маленькая верткая птичка трясогузка, шофер увидел ее и назавтра, и на третий день. А потом нашел между радиатором и облицовкой автомашины маленькое кругленькое гнездышко, а в нем три белых желудочка — яички.

Неизвестно, почему пернатая гостья облюбовала для гнезда именно это место. Возможно, ее привлек теплый уголок в дни майского похолодания, и она «сняла» себе «квартиру» с обогревом. Правда, немножко неспокойно здесь: почти весь день ревет мотор, машину трясет по лесным извилистым дорогам. Но зато здесь уютно, тепло, выводок будет надежно спрятан от многочисленных врагов.

Да и хозяин «дома» оказался человеком гостеприимным. Он стремится как можно меньше беспокоить пернатую пассажирку, не тревожит ее сигналом, только изредка приближается к гнезду. Гостья и хозяин будто договорились о правилах использования «жилья». Как только водитель садится за руль, трясогузка забирается в гнездо и продолжает спокойно высиживать птенцов. А в это время ее неразлучный друг — самец на своих крылышках мчится

вслед за лесовозом. Пока идет погрузка, пернатый напарник на веточках деревьев ловит насекомых.

— И снова птичья история. Рассказывает ее доктор биологических наук М. Н. Лозан.

Лесные арии

Ночью в молдавских кодрах то и дело кричат лесные совы. Их унылое протяжное уханье производит неприятное впечатление.

В прошлое лето возле нашего лесного стационара появилось несколько десятков сов. Целый день птицы неподвижно сидели на макушках деревьев. Ночью же совы собирались на дереве, под которым я обычно спал, и давали такие концерты, что нельзя было глаз сомкнуть. Все мои попытки разогнать незваных певцов кончались неудачей. Совы летали с ветки на ветку; и только я пытался сомкнуть глаза, как снова раздавались вопли.

Мне показалось даже, что совы нарочно решили поиздеваться надо мной: чуть затихнув, они глазели на меня, качали своими мохнатыми головами, вытягивали шею в мою сторону и стучали клювами.

Убедившись, что путем переговоров не смогу наладить нормальные отношения со своими соседями, я решил попросить у лесника ружье. Убивать лесных сов нельзя: они очень полезные птицы, но заставить их отступить на значительное расстояние было крайне необходимо. Днем я притащил двустволку с двумя патронами, а на ночлег, чувствуя свое неоспоримое превосходство, расположился на старом месте под вербой.

Ждал час, второй, но совы не появлялись; всю ночь было тихо. Я решил, что окончательно спугнул непрошеных артистов, поэтому утром отнес ружье. Но увы! На следующий вечер ансамбль в полном составе с еще большей силой исполнял над моей головой страстные арии.

— Стоит только завести разговор о диких утках, как я немедленно вспоминаю историю, некогда случившуюся со мной. Ах, как жестоко я обманул тогда доверчивых птиц! Прошу вас забыть ту историю и с величайшим вниманием выслушать ценные советы Г. К. Корсакова.

Поздравляем с новосельем!

С бригадой охотников я работал на опытных озерах в Новосибирской области. На озере Сарган мы отрезали сплавинные острова длиной по 30—50 метров и закрепляли их. Мы расположились отдохнуть на бугре между двумя озерами — и вдруг видим: утка ведет утят. Самка красноголового нырка, очевидно, переводила утят с озера Сарган, которое ей почему-то не понравилось, на озеро Мохнатое и наткнулась на нас. Действовать надо было быстро, так как собака, которая была с нами, могла распугать всех утят.

Я положил в накомарник кепку и в нее собрал всех пуховичков. Держа в руке утят, я пошел к озеру Мохнатому. До него было метров четыреста. Утка полетела вперед и опустилась на дорожку, поджидая меня с утятами. Сохраняя дистанцию между нами метров в пять, она пошла к озеру, постоянно оглядываясь. У воды я подошел к утке почти вплотную и начал вытряхивать пуховичков из накомарника. Мать отводила их в воду, причем, покрякивая, она дотрагивалась клювом до каждого, как бы считая. Когда подсчет был закончен, табунчик не торопясь поплыл к центру озера.

Уже давно охотовед Александр Андреевич Шило начал свои опыты по привлечению птиц на водоемы. Он поставил перед собой две задачи: увеличить число гнездящихся уток, которые строят гнезда на озере, и заставить птиц, обычно строящих гнезда в степи, на суше, перебраться на воду. Вторая задача была особенно заманчивой: ведь утятам не придется добираться до воды по суше, а это значит, и гибнуть их будет меньше, да и наземным хищникам труднее будет добираться до уток.

Для привлечения уток на водоем мы и передвигали к центру озера заросшие осокой острова, отрезанные от прибрежных сплавин. Острова закрепляли сваями по три-четыре вместе. На одном из них укладывали из кусков сплавин кучу, которая возвышалась над водой на 1,5—2 метра — жилище для ондатры. На других островах делали искусственные гнезда для уток — плетенные из

ивовых прутьев купола в виде опрокинутых вверх дном корзин с отверстием сбоку. От воды до входа в гнездо было не больше метра. Эти гнезда охотно занимали хохлатые чернети, красноголовые нырки, серые утки, кряквы. Такие же корзинки-ящики мы сооружали на искусственных ондатровых гнездилищах. В них тоже селились кряквы и хохлатые чернети. А в камышах на мелководье на кольях мы укрепили ящики. И в них жили кряквы и хохлатые чернети.

На одном таком островке я насчитал 22 гнезда этих уток, причем в одном гнезде оказалось 46 яиц. Безусловно, их снесли несколько уток. Так возник своеобразный симбиоз: в искусственном гнездилище жила семья ондатры, в корзинках и в ящиках — кряквы, хохлатые чернети, красноголовые нырки, серые утки. В гнездах на островах высиживали утят хохлатые чернети.

На новоселье прилетели крачки и речные чайки. Под их охраной хохлатые чернети могли, не боясь хищников, строить свои гнезда на открытой воде. Да и всю колонию они охраняли от пернатых хищников.

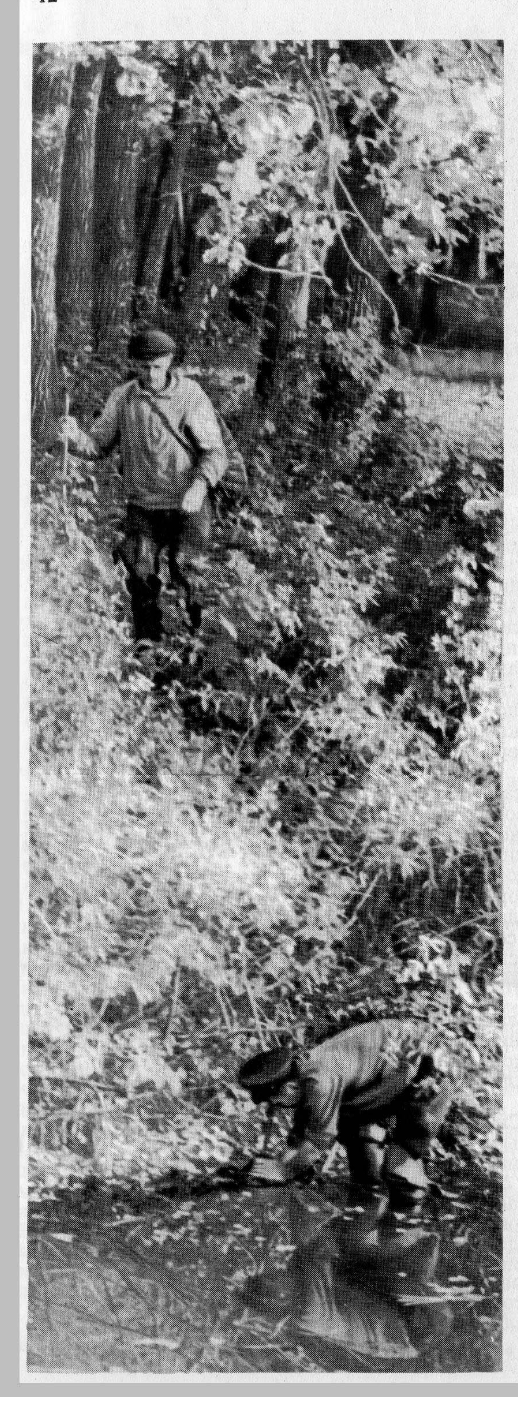
На озерах лесостепи Западной Сибири не так уж много мест, пригодных для гнездования уток. На озере Мохнатом прежде ученые регистрировали от 6 до 15 гнезд хохлатой чернети и красноголового нырка, построенных на прибрежных сплавинах. А сейчас гнездящихся птиц стало в 20 раз больше. Только в искусственных гнездах живет около 100 пар птиц, да и на открытой воде не меньше. Но и этих квартир для всех желающих не хватило.

Однажды в гнезде-ящике, стоящем на трех кольях в редком камыше, поселилась кряква. На другой день после того, как она увела своих утят, в этом же «доме» стали откладывать яйца две хохлатые чернети. В общей сложности птицы снесли более 30 яиц. Обе мамаши уселись на яйца бок о бок и вывели утят.

Интересно, что утки, особенно кряковые, поселившиеся в искусственных гнездах, привыкают к человеку настолько, что совершенно перестают его бояться. Когда нам надо было подсчитывать яйца в кладке, уток прямо-таки приходилось выталкивать из гнезда. На озере Мохнатом утята из разных выводков обычно держались одним табунком и кормились где-нибудь между островами под наблюдением трех-четырех уток. При появлении лодки утята не бросались в панике в разные стороны, а спокойно расступались или не торопясь отплывали в сторону.

Водоплавающие птицы полюбили домики на озерах и охотно селятся в них. Конечно, отрезать и выводить на плес сплавинные острова вряд ли под силу юным натуралистам. А вот сооружать искусственные гнезда для уток в виде колпаков с отверстиями сбоку и устанавливать их на заломах тростника, кочке, сплавинном островке, на кольях может всякий. Только помните: удача придет не сразу. Она любит терпеливых.

— На этом наше очередное заседание Клуба заканчивается. До скорой встречи, друзья Почемучки!

ВЫХУХОЛЬ

Давным-давно выхухоль был широко распространен по всей Европе. Теперь этот зверек сохранился только в немногих реках нашей страны, например в притоке Дона, Хопре, и в пойменных озерах, по берегам которых растет кустарник. Здесь в 1935 году был образован Хоперский государственный заповедник.

Мех зверька очень густой, плотный, шелковистый. Он никогда не намокает, так как между волосками образуется воздушная прослойка — подушка.

Выхухоль — родственник кротам, ежам, землеройкам. Но в отличие от них роет норы в берегах под водой.

Весной пойма заливается, и выхухоль уходит на незатопляемые островки суши. Там он роет новые норы или занимает искусственные убежища-плотики. Когда же талая вода спадает, зверьки возвращаются в старые жилища.

В мае в семье появляются малыши — от двух до четырех. Рождаются они почти голые и слепые, весом в два-три грамма. Сначала крошки питаются молоком матери. Потом едят личинки насекомых, моллюсков, корневища водных растений. Взрослый выхухоль ежедневно съедает до трехсот граммов корма, хотя вес зверька чуть больше четырехсот граммов.

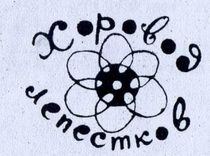
Нежный зверек очень капризен. В неволе он долго не живет. Вот почему выхухоля не встретишь ни в одном зоопарке мира.

А. МИХАЙЛОВ
Фото автора

Когда случается проходить через пустой двор, я всегда думаю: вот бы здесь устроить маленький парк, сквер или хотя бы зеленые уголки! Ведь деревья и кустарники не только красивы, они полезны: очищают воздух, повышают его влажность, в жаркое время создают тень и прохладу, смягчают городской шум, задерживают пыль. В тени даже отдельно стоящих деревьев микроклимат иной, чем на открытых местах. Зеленые насаждения способны задерживать до 80 процентов пыли и на 44 процента уменьшают загрязнение воздуха микробами. А ведь многие ребята на лето остаются в городе и все время проводят во дворе.

Давайте-ка возьмемся за это интересное дело, устроим на своем дворе зеленые уголки! Конечно, одному это не под силу. А вот если за дело примутся несколько человек — любителей природы, обязательно добьетесь успеха.

Начинать надо с проекта, без него не обойтись. Наверное, в домоуправлении можно достать план двора. Начертите его в масштабе 1 : 100 (в одном сантиметре — один метр).

Такой масштаб будет наиболее удобным для проектирования. На чертеж нанесите существующие постройки, подземные коммуникации — линии газопровода, водопровода, теплопровода, электрокабелей, а также имеющиеся деревья и кустарники.

После этого приступайте к проектированию.

Не старайтесь засадить деревьями весь двор. Это некрасиво, да и такие посадки будут всем мешать. Деревья сажайте не ближе пяти метров от стен здания, двух метров от оси подземных коммуникаций, в метре от проезжих дорог.

Наметьте проезды к домам, гаражу, сараям, пешеходные дорожки, площадку для дошкольников, а если позволит место, то и спортивную площадку, место для сушки белья, цветника, беседки. Хорошо бы и для будущего водоема, конечно, если позволят размеры двора.

Часто делают серьезную ошибку: маленькие деревца сажают очень густо, и им скоро становится тесно, они начинают мешать друг другу. Деревья сажайте не ближе 2,5—3 метров одно от другого, а кустарники с промежутками в 1—1,5 метра. Посадки лучше располагать группами. В центре — высокорослые деревья, ближе к краям — деревья средней высоты, по краям — кустарники. Расстояние между группами деревьев надо оставлять не менее 12—15 метров. Между группами кустарников — 6—8 метров.

Каждое растение имеет свои особенности — высоту, форму кроны, окраску листвы, стволов, ветвей, цветов, плодов. И все по-разному относятся к тяжелой городской обстановке — сухости воздуха, высоким температурам, пыли и копоти. Наиболее выносливы в городских условиях клен, липа, ясень, вяз обыкновенный и мелколистный, ива, каштан конский, акация, жимолость, бузина, спирея, лох, смородина золотистая, жасмин, сирень, из хвойных — ель колючая и голубая, туя, лиственница. Для опыта интересно попробовать и другие породы — орех маньчжурский и серый, кедр, березу, шиповник, калину.

Как же посадить деревья и кустарники, чтобы это было красиво? Для красоты шаблона и рецептов не существует, тут нужны вкус, фантазия, смекалка и, конечно, знание особенностей тех растений, с которыми вам придется иметь дело. Надо помнить характерную черту зеленого строительства: наши зеленые сооружения постоянно будут меняться, с возрастом они приобретают и новую форму, а подчас и новые черты характера. Например, многие растения смолоду теневыносливы, а позднее становятся светолюбивыми.

И все же некоторые советы могут быть полезными.

Некрасиво, когда деревья сажают равномерно по всей площади, да еще прямыми рядочками. Приятнее, если посадки расположены отдельными группами. Хорошо выглядят и одиночные деревья, и кустарники. Особенно выигрывают растения, если они расположены на зеленом газоне. Некоторые породы — например, ель колючая, плакучая ива — красивы, когда растут поодиночке и образуют густую крону. Цветущие кустарники — жасмин, сирень, шиповник — лучше выглядят в одиночных посадках или в небольших однопородных группах на газоне.

В тех местах, где нужно создать тенистый уголок, подойдут липа, каштан, клен остролистный, маньчжурский орех. Береза, лиственница не дают тени, но у них красивый ствол, самая ранняя зелень. Очень радуют березки, когда они растут на зеленой лужайке небольшой семейкой. Некоторые кустарники — дальневосточный клен-гиннала, калина, смородина золотистая, барбарис — осенью покрываются яркими листьями. Если их посадить по краям зеленых групп, то все лето они будут незаметными, а в сентябре загорятся факелами, украсят всю площадку.

Для живых изгородей и бордюров подойдут низкорослые кустарники — кизильник, японская спирея, барбарис, вишня песчаная, магония. Для высоких изгородей хороши боярышник, вяз обыкновенный и мелколистный, акация желтая, клен татарский. Но они требуют ежегодной стрижки. Все живые изгороди должны быть однопородными.

Наконец проект готов. Надо его обязательно показать в домоуправлении, хорошо бы посоветоваться и с районным архитектором, пусть внесут свои пожелания, поправки.

Перед тем как выносить проект в натуру, надо привести в порядок территорию двора — убрать мусор, кирпич, щебень. Заровнять ямы, а потом вскопать почву на глубину 25—30 сантиметров. Если почва бедная, хорошо добавить растительной земли, внести удобрения — проветренный торф, перегной, навоз, минеральные удобрения. На 1000 квадратных метров площади полагается 2—3 тонны органических удобрений и 50—60 килограммов минеральных (плодовой или ягодной смеси). На подзолистых почвах надо внести известь 300—600 килограммов на 1000 квадратных метров площади. В тяжелую глину полезно добавить песок, а в песок — глину.

Границу площадок, дорожек, проездов, цветников отметьте бороздками; чтобы они были заметнее, присыпьте их известкой, а на месте посадки деревьев и кустарников забейте небольшие колышки.

Саженцы деревьев и кустарников должны быть хорошего качества. Лучше всего приобрести 5—6-летние деревца в питомнике. Если это почему-либо невозможно, тогда надо получить разрешение лесничества и ранней весной или

осенью выкопать дички в лесу.

Для пересадки пригодны только те деревца, которые выросли на открытых солнечных местах. Выкапывайте их осторожно, чтобы не очень повредить корни. У хвойных пород необходимо сохранить ком земли. Чтобы земля не осыпалась, корни с земляным комом обвяжите мешковиной. При транспортировке саженцев следите, чтобы корни не обдуло ветром и они не подсохли. Хорошо прикрыть их влажным мхом, торфяной крошкой или соломой. На месте посадки саженцы надо тщательно прикопать землей.

Посадочные ямы для деревьев и кустарников нужно выкопать заранее. Перед посадкой растения тщательно осмотрите, поврежденные корни подрежьте острым секатором выше места повреждения.

Удалите сухие и поломанные ветки, живые ветки у лиственных деревьев укоротите примерно на $1/3$. Полезно приготовить глиняную болтушку до густоты сметаны и перед посадкой окунуть в нее корни растений. В центре посадочной ямы забивается кол. Около него на вершину холмика земли надо поставить саженцы. При посадке нельзя заглублять растение. Следите, чтобы шейка корня не была опущена ниже уровня почвы. После того как деревья посажены, привяжите их к кольям, разровняйте вокруг ствола землю и устройте приствольные лунки. Даже в дождливую погоду необходимо полить посаженные растения из расчета 3—4 ведра воды на дерево и 1—1,5 — на кустарник. После полива для сохранения влаги приствольные лунки присыпьте рыхлой сухой землей или торфяной крошкой.

Наши посадки, конечно, потребуют и дальнейшего ухода. Очень важно в засушливое время поливать их. Приствольные лунки необходимо рыхлить. Весной и осенью полезно внести удобрения — навоз и перегной. Минеральные удобрения вносите весной.

Но посадки растений — это только первая часть работ по озеленению и благоустройству нашего двора. Надо еще прикрыть некрасивые постройки и простенки вьющимися растениями, устроить беседку, красивую и удобную садовую мебель, скамейки, оформить детскую площадку.

Для вертикального озеленения хороши: из многолетников — дикий виноград, хмель, каприфоль (жимолость); из однолетних — бобы турецкие, ипомея, горошек душистый, хмель японский, настурция.

Чтобы украсить двор цветами, совсем не обязательно, чтобы их было много. Нехорошо, когда для цветов делают высокие клумбы да еще обкладывают их кирпичами или досками. Гораздо красивее, если цветы посажены на зеленом газоне небольшими пятнами одного цвета. И очень важно подобрать такой состав растений, чтобы они цвели с самой ранней весны до поздней осени.

Хорошо устроить на дворе газон, без него всякое озеленение не будет выглядеть законченным, все будет казаться, что чего-то не хватает. Деревья, кустарники, цветы меняют свои оттенки, а газон должен всегда оставаться ярко-зеленым, свежим, сочным. Он служит фоном для всех растений.

Почва для газона готовится так же, как для цветников. Не оставляйте в земле корневища сорняков, они испортят всю красоту газона.

Площадку разровняйте граблями и загладьте доской. Семена высевайте в апреле — начале мая или поздней осенью. Но можно посеять их и во второй половине лета, когда выпадают дожди. Семена сеют от края участка полосками шириной около метра, стараясь, чтобы их не сносило ветром.

Обычно в средней полосе высевают около 1—1,5 килограмма семян на 100 квадратных метров площади. Заделывают их граблями на глубину 1,5—2 сантиметра и уплотняют доской, насаженной на рукоятку.

Существует много газонных смесей. Для городских дворов средней полосы лучше всего такая: мятлик луговой — 20 процентов, овсяница красная — 40 процентов, райграс пастбищный — 40 процентов; или такая: райграс пастбищный — 40 процентов, овсяница луговая — 25 процентов, тимофеевка — 30 процентов, клевер белый — 5 процентов.

Газон выглядит аккуратным, если за ним правильно ухаживают: поливают, регулярно скашивают. По мере того как трава отрастает, немедленно выпалывают сорняки. Каждую весну газон удобряют селитрой из расчета 400—500 граммов на каждые 100 метров площади. После внесения удобрений газон рыхлят железными граблями и на плешинах подсевают семена.

А разве не интересно устроить небольшой водоем, в котором могли бы плавать рыбки, с зеленым островком посередине, где бы стали жить голосистые лягушки и тритоны, устроить альпийскую горку из камней, подкормочную площадку для птиц?

Словом, больших и важных дел хватит надолго. И пожалуй, это будет поинтереснее любой игры.

В. БАРКОВ

Дорогие юные натуралисты! Апрельский лес подарит вам нежные и бархатистые сморчки конические, а на опушках, на пастбищах и у дорог грибы покрупнее — строчки обыкновенные (их в некоторых местах называют еще торчок, бабура, пестрица, телячьи потроха). Растут все эти грибы недолго — апрель да май. Правильно высушенные весенние грибы принимаются заготорганизациями Потребкооперации без ограничений.

Но самое большое чудо весеннего леса скрывается в лесной аптеке. С нею следует познакомиться подробнее. В этом вам помогут приемные пункты заготорганизаций Потребкооперации, пионерские вожатые и преподаватели биологии. Уже сейчас начался сбор цветов, листьев и травы ландыша.

Срезайте ландыш аккуратно на уровне пленчатых листьев, только не повредите корневища. До появления листьев идет сбор коры крушины ольховидной: она гладкая, темно-бурая, с чечевичноподобными поперечными черточками. Если кору слегка поскоблить ногтем — увидите пурпурно-красный слой. Начинается веселая пора сбора даров лесных аптек и кладовых! Желаем успеха!

ЦЕНТРОКООПЛЕКТЕХСЫРЬЕ ЦЕНТРОСОЮЗА

ПО НАСТУ

Солнце щедро посылало на землю свои лучи, они растапливали верхний слой снега, а ночные морозы схватывали его в сплошную корку, которая становилась все прочнее и прочнее. Появился наст.

С осинника потянуло горьковатым запахом коры. Деревья отряхнули зимнюю суровость, тянут к солнцу ожившие ветви, стоят по-весеннему обновленными.

Чувствовала весеннюю благодать и лосиха, осторожно идущая среди вековых сосен. Она изредка останавливалась, втягивала в себя настоянный весенними запахами воздух и снова шла. Наст не выдерживал ее грузного тела, острые края ледяной корки в кровь изрезали ноги, боль с каждым шагом становилась все невыносимее. Но лосиха, измученная и голодная, все шла и шла... Путь ей пересекла небольшая лесная речушка. От берега до берега снег был пропитан пробившейся из-подо льда водой.

Лосиха не рискнула вступить на этот обманчивый лед, повернулась и медленно побрела вдоль берега. Прошла немного, раздвинула своим тощим телом прибрежные кусты, выбрала среди них удобное место и притоптала снег...

Афонька и Егор осторожно пробирались по снежному насту. В весенние дни лес властно манил ребят к себе: и они, чуть забрезжит рассвет, тайком от всех поднимались и уходили из интерната. И в этот воскресный день мальчишки, как опытные охотники, бесшумно шли по лесу, прислушиваясь к весенним звукам.

Утро было прекрасным. Свежий морозец освежал лицо, горячил щеки, руки. Солнце розово-желтым полукругом выплывало из-за леса, золотило верхушки сосен. Лес дышал резкой утренней свежестью. Такая свежесть бывает в лесу только ранней весной. Друзья тихо шли по берегу реки. Егор неожиданно остановился, поманил рукой отставшего друга и тихо шепнул, раздвигая руками кусты:

— Смотри, Афонька...

И тут Афонька увидел такое, чему не сразу поверил, — среди кустов, на утоптанном снегу, под огромной сосной лежал коричневый лосенок. Две пары удивленных ребячьих глаз рассматривали маленькое, беспомощное существо. А лосенок спокойно лежал и дремал, шевеля во сне торчащими на маленькой головке неестественно крупными ушами.

— Живой лосенок!.. — прошептал непослушными от волнения губами Афонька.

Лосиха, стоявшая рядом, сердито фыркнула и мотнула головой. Шерсть на ее холке нервно задвигалась. Глаза, налившиеся кровью, пронзили ребят. Она подошла к лосенку, опустила свою тяжелую голову и начала лизать наст, а затем влажными губами сорвала с ветки серый лишайник. Мальчишки, молча переглянувшись, стали медленно отступать назад. До деревни ребята добежали быстро. Тайком от всех набрали по охапке припасенных с лета веников и заспешили обратно. Осторожно приблизились к лосям, положили ветки и отступили в кусты. Лосиха подошла к веникам, обнюхала их, сердито мотнув головой, уставилась на ребят. Голод, видимо, мучил животное, а запах корма дразнил. Ребятишки не вызывали опасения, и лосиха начала жадно есть. А друзья сидели под кустом и как зачарованные смотрели на лосей. Афонька достал из-за пазухи краюху хлеба, разломил ее, один кусок отдал другу.

Ребята аппетитно жевали хлеб, как вдруг лосиха насторожилась. Она бросила есть ветки, ее большие уши поднялись и замерли. Немигающие глаза смотрели за ближайший от мальчиков куст. Друзья повернули головы и... Совсем рядом стоял мужчина с ружьем. Фуфайка его была затянута в поясе патронташем, набитым патронами. Маленькими мутными глазками он ощупывал лосей, руки прижимали к плечу двустволку. Необычно громко щелкнули взведенные курки. Черные стволы высекивали самое уязвимое место — нижнюю часть левой лопатки. Корявый толстый палец нащупывал спусковой крючок. Мгновение — и безжизненное тело лесной великанши рухнет на снег.

— Не смей стрелять! — изо всей силы закричали мальчишки, охваченные ненавистью и гневом.

Ружье в руках «хищника» вздрогнуло и опустилось. Он увидел ребят, злобно глянул в их сторону и процедил что-то злое сквозь зубы. Потом закинул ружейный ремень за плечо, резко повернулся и зашагал прочь.

— Кто это? — спросил Егор.

— Монтер с почты.

В интернат ребята вернулись поздно и улеглись в кровати сразу же, как только объявили отбой. Но заснуть не могли. Вскоре Егор вылез из-под одеяла, толкнул своего друга:

— А он больше не придет?

— Кто?

— Монтер?

— Не знаю...

— Пойдем?

— Пошли.

Мальчики осторожно поднялись, оделись в темноте, босиком вышли в коридор и бесшумно проскользнули мимо дремавшей ночной сторожихи. На крыльце обулись.

Короткая весенняя ночь была светлой. Лес в сумерках был особенно таинственным: полумрак мохнатым покрывалом окутывал деревья и кустарники, а отдельные сосны казались застывшими гигантскими богатырями. Вот и косматая сосна, окруженная стаей мелких кустов. Ребята замедлили шаг, осторожно ступали по насту, стараясь не шуметь. Но когда приблизились к заветному дереву, увидели в полумраке лишь широко утоптанный снег да под сосной продолговатую чашу с коричневыми шерстинками по краям. Найдя на краю поляны лосиные следы, Афонька включил фонарик. Желтый луч высветил на плотном насте острые ямки от копыт лосенка.

— Ушли!.. — со вздохом прошептал Егорка.

Как будто ушедшие лосиха с лосенком могут услышать, мальчики громко закричали:

— Приходите еще!..

И темный весенний лес повторил: «Еще-о-о-о!..»

Е. АЙПИН

МЕДВЕЖЬЯ УСЛУГА

Скворцы прилетели. Я обрадовался еще больше, когда увидел, что и в моем новом скворечнике поселились пернатые новоселы. Это новоселье, между прочим, не обошлось без скандала. Воробей, выгнанный скворцом из скворечника, поднял тревогу отчаянным чириканьем. Мигом слетелась стайка воробьев; они летали, кружились вокруг скворечника, садились вблизи на что попало и громко пищали, чирикали. Этот воробьиный переполох продолжался не-

долго: минут через пять чириканье стихло, разлетелись проворные воробьи.

Скворцы, видимо, нашли все удобства в моем скворечнике: не видно было, чтобы они таскали туда что-либо для гнезда. Об этом заранее я позаботился: дно скворечника обильно застелил сухой паклей.

Я любил слушать пение скворца; наблюдал, как он, сидя на ветке, щелкал, трещал и посвистывал.

В середине июня у скворечника началось большое оживление: вывелись птенцы, и скворцы-родители по очереди подлетали с кормом в клюве, садились на крылечко у летка и кормили своих малышей. Так продолжалось довольно долго, недели две. Но однажды я заметил, что скворцы уже покинули скворечник. «До будущей весны, друзья мои!» — подумал я.

Наступила новая весна. Скворцы давно уже прилетели. Но странно: в моем скворечнике еще не поселились. Я терпеливо ждал, видел однажды, как подлетел один к летку и мгновенно отпрянул. Прошла еще неделя, и я с грустью заметил, что даже проворные воробьи не прельщаются моим скворечником.

В конце лета я решил, наконец, выяснить, почему мой скворечник стал пугалом для птиц.

Когда его вскрыл, ужаснулся: три мертвых скворца, уже иссохших, лежали на дне. Но почему они погибли? Я стал осторожно поднимать одного с распростертыми крыльями, но его что-то удерживало за лапки. Нагнувшись, я увидел, что лапки скворца запутались в пакле. Сердце мое содрогнулось: я погубил птенцов своей поистине медвежьей услугой.

А. МИНКИН

СНЕЖНЫЙ ПОДОРОЖНИК

Сейчас, когда пришла весна, по утрам раздается веселое чириканье воробьев. И мне вспомнилась другая весна и другая звонкая птичья песня.

Это было на далеком Севере, на побережье Ледовитого океана, где нам однажды пришлось ее встречать.

Еще кругом лежали снега, лишь кое-где виднелись редкие проталинки, временами мела пурга, и пока не чувствовалось дыханья южного ветра. Как вдруг однажды в нашу избушку взбалмошно влетел Миша — метеоролог:

— Пуночки, пуночки прилетели!

Мы все вывалились на улицу.

Действительно, в небе, почти не порхая и описывая большие круги, летали маленькие, чуть побольше воробьев, птички, и оттуда неслось звенящее и веселое «цир-р-р-фит!», «цир-р-фит!». На душе сразу стало легко и радостно: да, действительно, весна пришла!

Пуночки (или, как их еще называют, снежные подорожники, снегурочки) — первые вестники ее. Они первыми прилетают в родные края и не боятся проказ уходящей зимы. Даже в самую суровую стужу, терпя нужду и лишения, не теряют своей бодрости, точно знают, что это ненадолго, что следом за ними идет сама весна!

Мы долго не отрываясь наблюдали за пуночками. Не переставая звонко посвистывать, они опустились почти до самой земли и вдруг начали играть... в чехарду! Да, да, иначе не назовешь эти их подлеты и перескоки. Передние, достигшие проталинки, опустились у ее края, а задние перелетели через них и тоже сели. Тогда те, что опустились первыми, перелетели через этих; и это повторялось до тех пор, пока не кончилась проталина. И все это со звенящим «цир-р-р, цир-р-р-р!». Ну чем не чехарда, в которую так любят играть дети?!

В апреле пуночки разбились на пары. Мы знали, что гнездятся они обычно в расщелинах скал или под камнями, но наш неугомонный Миша снова принес неожиданную весть: одна пара свила гнездо на старом полусгнившем баркасе, бог знает с каких пор лежащем на высоком берегу и довольно далеко от нашей стоянки. Конечно, мы все отправились смотреть. Гнездо снаружи было сделано из стебельков травы и мха, а внутри заботливо выстлано перьями и пухом. Внутри лежало пять яиц светло-голубого цвета, по которым были разбросаны темно-ржавые пятна, точки и полоски.

Рис. И. Захаровой

Пуночки с тревожным криком вились над нами, чуть не задевая крыльями, но стоило нам отойти шагов на пять, как они сразу же успокоились. Пуночка опустилась в гнездо, долго что-то поправляла там, а самец гордо уселся на борт баркаса и издал свое ликующее, короткое, но часто звучащее «фить-цир-р, фить-цир-р!».

Тут-то мне и удалось поподробнее рассмотреть их. У самца верхняя часть спины, плечи, большие маховые перья и четыре хвостовых пера, кроме узкой белой каемки, были черными, зато головка, надхвостие и нижняя сторона тела — белыми. Самка же была окрашена в более яркий коричнево-бурый цвет. Темно-карие глазки пуночек задорно поблескивали.

Нам не удалось все время понаблюдать за этой парой — пришлось уйти в длительный маршрут в глубь Таймырского полуострова; но когда мы вернулись, преследуемые тучами комаров, то наши знакомые, встретив нас своим звонким пением, тут же принялись вылавливать этих маленьких, но вредных насекомых. Я присел недалеко от гнезда и замер. Тогда пуночка-самец осмелел: опустился мне на плечо. и, недолго думая, начал склевывать комаров прямо с накомарника. Они нас нисколько не боялись и относились очень доверчиво.

Мы им подсыпали и зерна: пшено, овес, рис, но, пока были комары и мошки, эти милые птички клевали зерно не очень охотно.

Когда же в августе мы вернулись из очередного маршрута, то увидели уже огромные стаи этих снегурок, беспокойных, то перелетающих с места на место, то взмывающих вверх, подобно жаворонкам, и бесконечно поющих. Кстати, пение самца представляет щебетание, которое в некоторых частях похоже на пение полевого жаворонка, но отличается пронзительными строфами.

Пуночки готовились к далекому зимнему перелету на юг Сибири.

Прощаясь с ними, мы твердо знали: как только сюда, к Северу, приблизится весна, первыми сообщат о ней неунывающие снежные подорожники, снегурки-пуночки.

К. АБРАШЕВ

ГЛУХАРИНЫЕ МОСТКИ

Тихий лесной ручей неширок, неглубок — перескочишь! Он оброс ягодами — морошкой, черникой, изумрудным высоким мохом, а где побугристее — древесными кусточками: вереском и багульником.

Тут на заре по росе кормятся старые и молодые глухари. Им ручей что для нас река — нужны переброды.

Вот и помогли дичи ветер да лес: давно-давно повалили толстые, сухие деревья, эти валежины пересекли ручей, а с годами плотно поросли мохом, брусничником, жесткими листьями морошки и служат теперь птицам надежными мостками.

Охотишься поутру и видишь на росистом мху валежины крупные вдавленные кресты — отпечатки птичьих лап. Значит, недавно переходил по ней с берега на берег за ягодою старый глухарь.

На лесных прогалах, где когда-то были покосы, выросли сосны. И уже так поднялись, что догоняют придвинувшийся к ним из бора подлесок.

Но некоторые сосны не вышли ростом и стоят чуть повыше цветочных кистей иван-чая с изогнутыми стволами и с непышными крестиками мутовок-маковок.

И хотя не у всех сосен одинаково развесисто протянуты ветви-ярусы, все-таки наросло их с годами у деревцев поровну.

Поэтому-то по числу ветвей-ярусов и узнаешь, что все — и высокие и слабые — сосенки родились одним летом.

На беломорском морском берегу, рядом с вешалами, где просыхают сети, — потрошной верстачок. На нем разделывают, потрошат на уху и на жарево рыбу.

Когда рыбаков нет, тут на прохладной

заре скопище чаек и ворон; эти птицы — местные санитары, они все приберут.

Позже, к полудню, становится потеплее, и сюда прилетают осы.

Только появятся — мухам от них житья нет. Сами же с жадностью набрасываются на рыбью чешую, собирают рыбий клей. Он нужен им в их кропотливом строительном хозяйстве — при постройке гнезда.

Вот и видишь, как по невидимой воздушной тропе, приманенные запахом рыбы, спешат одна за другой осы; спешат — не опоздать бы в клеевой магазин!

От леса летит перепелятник — некрупный ястреб. Каждый взмах его крыльев, поворот тела рассчитаны. Можно подумать, что он взвешивает каждое свое движение, так они предельно скупы и отточены.

Но вот отовсюду: с погреба, избы, сараев, с земли поднимается тучка обитающих здесь трясогузок. Они быстро нагоняют и окружают хищника и с неистовым верещанием начинают гнать его к морю.

Ястреб нехотя, искусно увиливая и уклоняясь от дотошных птиц, улетает все дальше и дальше в море...

Трясогузки довольны, они добились своего — отогнали врага и теперь уже вразброд, радостно щебеча, летят восвояси.

А ястреб исчезает во мгле.

Трясогузкам ведь невдомек, что он сторожит там одиноких и слабых, возвращающихся с юга птиц.

Впереди, за чащей, виден просвет. Если пробраться сквозь деревца и кусты, выйдешь на старую вырубку — сечу. Люди давно здесь свели еловый лес, местами раскорчевали пни, ветви и пни сожгли и, одолев простор, устроили пастбища и покосы.

А вот и сами косари.

Тик-так, тик-так, тик-так!.. — уже кто-то натачивал косу.

Да не рано ли? Ведь сейчас только разгар весны!

Я пристально всмотрелся поверх кустов и молодых березок и увидел на суку сухой ели небольшую белобрюхую птицу.

— Ай да косарь! — не удержавшись, воскликнул я. Ведь это бекас. Вот кто так рано по весне принялся «натачивать» косу!..

Наконец бекас-косец умолк.

Но теперь отчетливо слышалось жалобное блеяние барашка. Откуда он здесь?.. Разве сейчас пора для пастьбы? Хотя уже и цветут на широких проталинах мать-и-мачеха, волчье лыко, медуница, еще нет травы, а в оврагах, в глухих ельниках, да и местами на сечах — снег!

И тут в розовеющем вечернем небе я заметил быстро снижающуюся точку — небольшую птицу — и стал следить за ней.

Часто и остро, по-голубиному, отмахивая крыльями, она то и дело стремительно падала вниз и каждый раз издавала этот напоминающий блеяние звук, а затем, на глазах исчезая, снова взмывала кверху.

Вдруг птица сложила над собой крылья лодочкой и понеслась к земле. Но, не долетев до нее метров двадцати, распустила крылья, притормозила и уселась близко-близко от меня на горелую осину.

Этой блеющей птицей и был тот самый заблудший барашек, и, что удивительно, тоже бекас!

Другой бекас-косец, что сидел на елке, был нетерпелив: он опять принялся «натачивать» косу — тараторил грозно, как будто кого-то о чем-то настойчиво спрашивал.

Но ему никто не отвечал.

А он снова и снова раздраженно издавал вскрик за вскриком...

Наконец не выдержал и, пронзительно тараторя, понесся вверх; потом с силой бросился вниз и заблеял барашком. После такого напористого «приглашения» бекас на горелой осине не смог усидеть, он устремился вслед.

К этим двум птицам откуда-то со стороны присоединилась третья, и все они, то отчаянно крича, то неистово блея, поочередно один за другом пересекали из края в край широкое небо над сечей.

Здесь, на вырубке, возле низкого, но широкого, как дот, пня, догнивает неподъемный кряж — часть ствола некогда могучей ели.

На этом пне удобно разложить еду, а рядом затеплить костер, сесть и напиться чаю; потом, отдыхая, мечтать, привалившись к частым, упругим ветвям ивняка.

Тут же около пня в кучу сложены шпалы давнишнего лесовозного уса — временной узкоколейной дороги. Старые, забытые шпалы часто выручают меня: они долго горят, согревая в холодные ночи.

Я снимаю рюкзак, достаю чайник, еду, записную книжку и сажусь на еловый кряж.

Передо мною тлеет закат. Там увалами идут облака. Они приглушают отблески зари, затемняя и остальную часть неба, и потому уже видны первые ранние, пока еще бледные, крупные звезды.

На вырубке тепло — не то что в лесу. Там в густых ельниках все еще лоскутами лежит снег, а на нем следы: лисьи цепи, заячьи столбики. А вокруг — лужи, лужи...

Идешь днем по раскисшей лесной дороге — топко, жарко. Вынешь на ходу из карманчика рюкзака кружку, зачерпнешь воды, что от снежного сугробчика натекает в чистую лужицу, глотнешь — и заноют зубы.

Рядом же, в трех шагах, — другая чистая лужица. Она уже успела согреться и солнцем, и оттаивающей землею; из нее свободно напьешься, и потом так легко станет идти!

Звезд высыпает все больше, и светят они ярче. И луна тоже стала светлее. Свет заливает поляны, кусты; от одиночных деревьев, пней и сушин падают тени. Даже за карандашом по записной книжке тенью двигается темный колышек.

Неожиданно за спиною я улавливаю мягкий шелест крыльев. Вот он близится, вот уже и над самой головою...

Смотрю вслед затихающему шелесту и вижу двух молчаливо снижающихся вальдшнепов. Птицы садятся среди кустов в тридцати-сорока метрах от меня, и почти тотчас над тем местом поднимаются две другие птицы. Это совы.

Они затевают игру: часто-часто хлопают крыльями, при этом складывая их не над собою, как это обычно делают голуби, а внизу, под грудью. Крыльями же издают прерывистые глухие звуки. Птицы еще и покрикивают: в их крике слышатся жалоба, горькая обида.

Вот в старом еловом острове ухает филин, и где-то вдали, точно заклиная, чуфычет тетерев. Турлукают по дорожным лужам и в низине, по ручью, лягушки. Шуршат сухими былинками и листьями под еловым кряжем мыши. И тянутся, тянутся минуты зазорья: и не вечер уже, и еще не ночь.

Шел я среди давних вырубок по шпалам узкоколейной дороги. Приближался к реденькому небольшому леску.

Там, на одинокой старой березе, высвистывая резко и звонко, с верещанием пел дрозд-белобровик.

Подойдя ближе, я остановился.

Дрозд умолк.

Я смирил дыхание, прислушался и уловил еще звук — струящийся гомон ручья.

Ручей бежал возле старого дерева, на котором только что пел дрозд-белобровик.

Я посмотрел вверх.

На самой вершине березы, заломленной когда-то не то ветром, не то снежной нависью, сидела эта и вправду белобровая птица.

Стал рассматривать ее... И вдруг услышал донесшееся с вырубки веселое бормотание тетерева.

Гомон ручья и тетеревиная песня удивительно живо слились — и потек знакомый с детства песенный переговор весенней воды с тетеревом-косачом.

Вскоре опять запел дрозд-белобровик.

И вот перекликанье ручья, дрозда и тетерева породило уже новую, еще неведомую мне песню!

И я слушал ее, слушал...

В. ВЕЕНЦЕВ

НАПЕВЫ МОРЯ

Мы любим отдыхать здесь. Тридцать минут на катере — и мы на острове Джарылгач. С северной части острова, со стороны города, находится залив, а на противоположной стороне — открытое море. Если хочешь купаться в заливе, пожалуйста, оставайся на этом берегу, а хочешь увидеть море — иди по вязкому песку три километра и обязательно бери с собой побольше воды. Остров безлюден, и воды, кроме соленой, нет.

Идти на тот берег Джарылгача хорошо утром, когда солнце не жжет, а только начинает пригревать. Море появляется неожиданно, лишь только выйдешь из-за небольших песчаных холмов. Светло-зеленое у самого берега, море постепенно становится темно-зеленым и у самого горизонта соприкасается с чисто-голубым небом. Под ногами белый песок и ракушки, выброшенные морем. А само оно выкатывает на берег волну и добродушно ворчит: «Ш-ш-што? Приш-ш-шли... Приш-ш-шли...»

— Да! — кричим мы с братом и бежим к волне навстречу. Волна, словно испугавшись, что мы нарушим ее монотонное ворчание, быстро откатывается назад, но тут же возвращается и ласкается у наших ног.

Здесь не слышно крика неугомонных чаек, лишь море да песок поют свои песни. Только не каждый песок умеет петь. Я выбираю такое место, где море сгладило, плотно сбило песчинки и отошло. Солнце высушило песок. Сверху он покрывается твердой блестящей корочкой — это блестят кристаллики соли. Когда идешь по такому песку, быстро шаркая ногами, то слышится звук, похожий на звон косы во время сенокоса: вжик!

Если побродить по холмам, которые загораживают море, то можно найти много интересного. Вот что-то белеет в темной морской траве — это высохший и побелевший от солнца краб. Как он забрался сюда? Это море выбросило его на самый холм во время шторма.

Море, оно такое... Сейчас ласковое, как котенок. Но попробуй подойти к нему во время шторма! Шумит, грохочет, в ярости бросает на землю волны...

Нам пора уходить — скоро последний рейс. Жара постепенно спадает, но раскаленный за день песок жжет ступни босых ног.

— До свидания, море!

ТАНЯ ШИПИЛОВА

г. Скадовск Херсонской области

ЛЕДОХОД

Стоял конец апреля. Темные силуэты снежных бугров бросали причудливые тени на пихты, ели, низкорослые березки. Но снег потемнел и сморщился на высоких местах.

Невдалеке виднелась сторожка лесообходчика. С тесовой крыши свисали серебристые сосульки, манящие своим блеском, бросающие блики на придорожные лужицы. С каждым днем лучи солнца становились теплее, жарче. Настал день, когда весь снег стаял. Лед на речке набух, почернел и вот-вот готов был ринуться вниз по реке, сокрушая все на своем пути. Утром по лесу пронесся неясный, приглушенный звук, похожий на скрежет замка, который долго не открывали.

Через некоторое время лед тронулся: нехотя, потом быстрее и быстрее. По всему лесу раздавалась оглушительная стрекотня сорок, возвещающих о весеннем паводке. Лес наполнился каким-то необыкновенно таинственным шумом: тут были и шепот берез, и крик сорок, и спокойный, ровный перекат лесной реки, очистившейся ото льда.

ВАЛЕРИЙ КЛИМОВ

г. Нижний Тагил Свердловской области

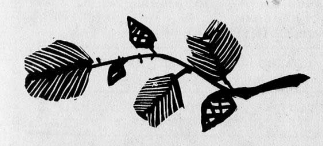
УТРО ГОДА

С песней журавлиной
К нам весна идет.
В гаме воробьином
Утро настает.

Утро — дня начало,
Дня большой зари.
Весна-красна настала,
Окна раствори!

ЮРИЙ ШАШКИН

Москва

СОСНА

Сиреневых деревьев строй
Укроет вечер теплотой.
По тропке красного ствола
Скользит веселая смола.

И светом сумерки полны,
Весной и солнцем,
Ведь вырезаны из луны
Вершины сосен.

...Над крышей
тающей берлоги,
Стряхнув
с притихшей кроны сны,
Сосна, как отзвук высоты,
Стоит у леса на пороге.

ИГОРЬ СЕЛЕЗНЕВ

Москва

«КАКТУС НА ОКНЕ». **Егидлюс Намаюшка**
Литовская ССР

Наши обложки: *На первой странице обложки — плаун булавовидный. На четвертой — белые звездочки цветов среди прошлогодних шишек и хвои.*

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

НАШ АДРЕС:

Главный редактор А. А. ВИНОГРАДОВ

Редколлегия: Булгаков Л. Н., Корчагина В. А., Клумов С. К., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Синадская В. А., Чащарин Б. А. (ответственный секретарь), Щукин С. В.

Научный консультант доктор биологических наук профессор Н. А. Гладков.

Художественный редактор **А. А. Тюрин**
Технический редактор **Н. Ф. Михайловская**

Сдано в набор 4/II 1972 г. Подп. к печ. 3/III 1972 г. А01172. Формат 70×100 1/16. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55). Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 2 000 000 экз. Заказ 151. Цена 20 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

Галя Воробьева
г. Новосибирск

«ЦАПЛЯ»

20 коп.
Индекс 71121

